

Серия «Альтера»

Причина вернуться

Останься собой.

Мира Берг

Мира Берг

Причина вернуться

«Автор»

2026

Берг М.

Причина вернуться / М. Берг — «Автор», 2026

Инга умеет замечать то, что другие прячут: чужую ложь, усталость за улыбкой, детали, мимо которых проходят все остальные. Она легко становится своей для каждого — и почти никому не позволяет увидеть себя. Тимур Бекетов привык находить угрозу раньше других. Он возглавляет службу безопасности банка, владеет сетью ресторанов и уверен: если проблему можно решить деньгами, людьми или приказом, ждать незачем. Их сводит внутренняя проверка в ресторане. Его раздражают её опоздания, промокшие кроссовки и разряженный телефон. Её — его машины, охрана и привычка сначала решать, потом спрашивать. Но он первым видит в её «странности» силу. А она — человека за безупречным контролем. Когда случайный снимок возвращает в жизнь Тимура опасное прошлое, его забота становится похожа на клетку. Чтобы остаться вместе, им придётся понять: любовь — не право удержать. Это причина, по которой человек возвращается сам.

© Берг М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мира Берг

Причина вернуться

Глава 1

Белую рубашку придумал человек, который никогда не работал десять часов за барной стойкой. Иначе он знал бы, что уже через час она перестаёт выглядеть безупречно. Манжеты быстро намокают, возле пуговиц остаются едва заметные следы сиропа, а воротник начинает натирать шею так, будто поставил перед собой цель добраться до крови раньше конца смены. Инга в третий раз просунула палец под слишком тугой ворот и осторожно оттянула ткань.

— Можешь расстегнуть верхнюю пуговицу, я никому не скажу, — предложил Денис, ставляя чистые бокалы. — Или могу помочь. Исключительно из уважения к твоему комфорту.

— У тебя какое-то очень избирательное уважение к моему комфорту.

— Просто я внимательный коллега. И терпеливый мужчина.

— Особенно терпеливый.

— Месяц уже зову тебя выпить кофе, а ты всё ещё делаешь вид, что не понимаешь намёков.

Инга посмотрела на него.

— Ты ни разу не звал меня пить кофе.

— Потому что жду подходящего момента.

— То есть терпеливо ничего не делаешь?

— Именно. Мне кажется, это недооценённая стратегия ухаживания.

Она не удержалась и улыбнулась. Денис тут же сделал вид, что одержал серьёзную победу, и поднял один из бокалов к свету, проверяя стекло. Он нравился Инге. Не так, как ему, вероятно, хотелось бы, но достаточно, чтобы его лёгкие подначивания её не раздражали. Денис был своим, добродушным и не умел долго переживать из-за отказа. Он заигрывал с ней почти ежедневно, но никогда не загонял в угол, не требовал ответа и не обижался, когда она переводила разговор. За месяц работы он успел назвать её новенькой, мышкой, загадочной женщиной и «своим главным карьерным вызовом». Ингу такое устраивало. Она вообще любила людей, которые не требовали раскрыться перед ними.

До начала вечерней посадки оставалось двадцать минут. В зале приглушили верхний свет, официанты проверяли приборы, из кухни доносились короткие раздражённые команды шефа. За окнами медленно темнело. В стекле отражались подвешенные над стойкой лампы, бутылки на высоких полках и сама Инга — в белой рубашке, чёрном жилете и с гладко убранными волосами. Волосы на работе требовали собирать. Ещё одно бессмысленное правило. Распущенными они хотя бы казались светлее. Иногда почти серебристыми, особенно на солнце. Собранные в низкий хвост, под жёлтым ресторанным светом они приобретали тот самый оттенок, которым Инга называла их всю жизнь. Мышиный. Не русый, не пепельный, не холодный светло-каштановый. Обычный цвет серой мыши, которая умеет быстро пробежать вдоль стены и не попасться людям под ноги. Инга отвернулась от отражения и проверила лёд.

В шкафчике для персонала лежали её джинсы, тёмно-синий свитер, кроссовки и наушники. На нижней полке стояла старая фирменная сумка для фотоаппарата. Когда-то чёрная, теперь она выцвела на сгибах, молния застёгивалась только с третьего раза, а ремень возле крепления был несколько раз прошит вручную. Но сумка была родной, купленной вместе с подержанным Canon 5D Mark II, и Инга не собиралась её менять. Сегодня она принесла фотоаппарат с собой, потому что после смены собиралась пройти пешком до набережной. Ночью обещали туман, а ей уже несколько дней хотелось снять фонари в мокром воздухе. Она даже

видела будущий кадр: почти пустая улица, размытый свет, человек вдалеке — неразличимый, больше похожий на тень. Скорее всего, к концу смены она устанет и поедет домой. Но фотоаппарат всё равно был здесь. Ей нравилось знать, что она может передумать.

— Инга, седьмой просит повторить, — сказала проходившая мимо официантка. — И женщина опять отдельно уточнила, что безо льда.

— Как обычно.

Инга уже ставила на стойку два бокала. Постоянных гостей она запоминала быстрее, чем рецепты коктейлей. Хотя и с рецептами проблем не было: через неделю после начала работы Денис перестал проверять за ней пропорции, а ещё через несколько дней начал спрашивать, сколько осталось определённого сиропа, кто заказывал последнюю бутылку вермута и куда он сам положил штопор.

Инга помнила. Она почти всё помнила.

Это никогда не казалось ей особенным достоинством. Просто информация укладывалась внутри сама, как аккуратно сложенная ткань. Имена, лица, цифры, случайно услышанные фразы. Иногда она хотела бы забывать быстрее, но память не спрашивала её разрешения.

Женщина за седьмым столиком приходила по четвергам. Всегда с одним и тем же мужчиной, всегда заказывала сухое белое вино безо льда, хотя лёд туда никто и не собирался класть. В прошлый раз мужчина опоздал на сорок минут, и женщина почти всё это время просидела молча, глядя в окно. Сегодня он пришёл раньше неё. Инга поставила бокалы на поднос и заметила, как он нервно проводит пальцем по обручальному кольцу. Через полчаса женщина оказалась у стойки одна.

— Можно воды?

Инга молча налила. Женщина выпила половину стакана сразу, потом посмотрела в зал, где мужчина разговаривал по телефону, отвернувшись к окну.

— Двадцать два года, — сказала она.

Инга не спросила, о чём речь.

— Мы вместе двадцать два года. А сегодня он сообщил, что у него ребёнок. Не маленький. Уже пять лет.

Женщина усмехнулась, но лицо при этом дрогнуло. Инга поставила рядом второй стакан воды.

— Я почему-то всё время думаю не о женщине и даже не о ребёнке, — продолжила гостя. — Я думаю, где он был в тот день, когда я хоронила маму. Он сказал, что не может вырваться с работы. А теперь я понимаю, что, возможно, был с ними.

Инга знала, что можно было сказать. Что женщина не виновата. Что двадцать два года не перестают существовать из-за одной правды. Что сейчас не нужно принимать никаких решений. Она не сказала ничего. Людям редко были нужны правильные слова. Обычно им требовалось место, где их слова не испугают другого человека. Женщина медленно покрутила стакан.

— Простите. Не понимаю, зачем я вам всё это рассказываю.

— Всё нормально.

— Правда?

— Правда.

Женщина посмотрела на неё внимательнее, будто только сейчас заметила.

— Вы всегда такая спокойная?

Инга хотела сказать, что нет. Что просто хорошо умеет стоять неподвижно. Что спокойствие и молчание — совсем не одно и то же. Но в зале поднял руку официант, и она только улыбнулась:

— Не всегда.

Когда женщина вернулась за стол, Денис подошёл к Инге и опёрся ладонями о стойку.

— Вот объясни мне, почему рядом с тобой люди за пять минут рассказывают то, что родственникам годами не говорят? Я работаю здесь два года, и максимум, что мне доверяют, — это просьба налить покрепче.

— Может, ты слишком много разговариваешь.

— Со мной это бывает, — признал он. — Но я могу научиться молчать. Ради тебя.

— Не надо так собой жертвовать.

— Ты училась на психолога? — спросил Денис, продолжая рассматривать её с притворным подозрением. — Или у тебя какая-то секретная техника?

Инга потянулась к верхней полке и едва не уронила бутылку. Совсем чуть-чуть. Денис даже не заметил.

— Нет, не на психолога.

— А на кого?

Она поставила бутылку ровно, этикеткой к залу. Вопрос был обычный. Настолько обычный, что Инга никак не могла объяснить себе, почему каждый раз внутри всё сжималось, словно её внезапно попросили показать содержимое карманов.

— Да ни на кого особенно.

— Так не бывает. Или ты решила сохранить интригу до нашего первого свидания?

— Денис, у нас гости.

Он посмотрел в зал, понял, что она не хочет отвечать, и не стал продолжать.

— Гости так гости. Но от свидания я всё равно не отказался.

Инга наклонилась за следующей бутылкой, пряча разогревшееся лицо. В училище она поступила после девятого класса. На швею. Когда классная руководительница узнала, дважды переспросила, не перепутала ли Инга документы. Учителя звонили матери. Завуч говорила о способностях, олимпиадах и будущем. Одноклассники решили, что Инга беременна или её выгнали из дома. Никто не поверил, что она просто не собиралась оставаться в школе ещё два года. К тому времени она уже работала вечерами и знала цену проезному, хлебу, аренде комнаты и возможности не просить у матери денег. Училище она закончила с отличием.

Не потому, что мечтала шить пальто или собиралась доказать всем свою правоту. Ей просто всё давалось легко. Она один раз читала технологическую карту и запоминала. Могла мысленно разложить сложную конструкцию на детали. Чертежи понимала быстрее, чем преподаватель успевал закончить объяснение. Красный диплом лежал в старом чемодане вместе с зимними вещами. Инга никому его не показывала. Слово «училище» казалось ей признанием в чём-то постыдном, хотя она сама не могла точно объяснить — в чём именно.

Почти все вокруг неё учились или уже получили высшее образование. Денис был на последнем курсе вечернего отделения факультета управления, на программе «Менеджмент в гостинично-ресторанном бизнесе». Одна из официанток имела диплом филолога. Су-шеф когда-то учился на инженера, а девушка из кондитерского цеха писала магистерскую по культурологии. И только Инга была швейей с красным дипломом, которая проработала на небольшом швейном производстве меньше месяца. Потом успела побыть кассиром, оператором колл-центра, администратором в маленьком хостеле, официанткой в двух кафе, продавцом и помощником бармена. Везде быстро училась, везде справлялась и нигде не задерживалась настолько долго, чтобы это можно было назвать профессией. В ресторане платили лучше. Чаевые особенно. Вчера мужчина за двенадцатым столиком оставил ей сумму, за которую в колл-центре пришлось бы слушать чужую ругань почти целую смену. Поэтому Инга терпела рубашку, жилет и запрет на распущенные волосы. Пока терпела. К восьми вечера свободных столиков не осталось.

Ресторан ожил сразу, будто кто-то прибавил громкость. Стекло звенело, кофемашина шипела, официанты называли номера заказов, а из колонок играла музыка, которую Инга за месяц выучила почти наизусть. Собственные наушники лежали в шкафчике. Иногда ей каза-

лось, что именно отсутствие музыки утомляет больше всего. Не шум, не люди и не десять часов на ногах. Ей не хватало возможности самой выбирать, что будет звучать внутри её головы. Около девяти к стойке подошёл Сергей Викторович. Инга не любила управляющего, хотя не могла назвать конкретной причины. Он не повышал на неё голос, не задерживал деньги и даже дважды хвалил при Денисе. Но рядом с ним ей всегда хотелось проверить, закрыта ли сумка.

— Инга, дай карту на минуту. У меня авторизация опять слетела, а нужно срочно открыть заказ на бар. Потом своей подтвержу комплимент от заведения.

Личные магнитные карты сотрудники использовали для входа в кассовую систему. Инга носила свою в кармане фартука: без неё нельзя было открыть заказ, добавить позиции или закрыть смену под своей учётной записью. Она достала карту, но не сразу протянула.

— А почему нельзя подождать, пока Денис освободится?

— Потому что гость не должен ждать, пока Денис закончит таскать коробки. Давай быстрее, у меня люди сидят.

Сергей Викторович говорил раздражённо, но ничего необычного в просьбе не было. Управляющие постоянно торопились, касса периодически зависала, чужую карту иногда просили прокатать, если нужно было быстро открыть заказ. Формально так делать не следовало, но Инга работала здесь всего месяц и ещё не понимала, какие правила действительно соблюдают, а какие существуют только в инструкции. Она протянула карту. Сергей Викторович вошёл под её учётной записью, что-то быстро выбрал на экране, затем приложил собственную менеджерскую карту, подтверждая операцию.

— Всё, спасибо.

— Что провели?

Он уже отвернулся.

— Комплимент постоянному гостю. Не твоя забота.

Инга забрала карту. Через несколько минут Сергей Викторович прошёл в подсобное помещение. Вернулся с небольшой картонной коробкой и передал её мужчине в тёмной куртке, появившемуся со стороны служебного коридора. Мужчина подхватил коробку одной рукой. Инга подумала, что для стекла он держит её слишком небрежно. Потом столик у окна заказал четыре коктейля одновременно, Денис вернулся с поставки и начал жаловаться на грузчика, который не умел считать ящики, а вечер снова захлопнулся вокруг неё потоком заказов. К десяти появился незнакомый мужчина. Инга не заметила, как он вошёл. Просто в какой-то момент подняла голову и увидела его у дальнего края стойки.

Он был один, без верхней одежды, в тёмном костюме и светлой рубашке без галстука. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, которые лежали слишком естественно для безупречно выстроенного образа. Ему могло быть чуть больше тридцати. Резко очерченные скулы, прямой нос, твёрдая линия рта и тёмные глаза делали его красивым не в безопасном, привычном смысле — слишком собранным, слишком внимательным. Инга посмотрела второй раз. Костюм сидел на нём так, будто был выбран не для демонстрации цены, а потому, что всё менее точное выглядело бы на этом человеке случайностью. Он не был похож на гостя, который пришёл выпить после работы. Слишком спокойно стоял. Не осматривал зал из любопытства, не искал глазами официанта, не проверял телефон. Смотрел так, словно уже знал, где находится каждый человек.

— Добрый вечер. Что-нибудь принести?

— Воду. Без газа.

Он говорил негромко, и ей пришлось остановиться ближе. Тогда она почувствовала запах. Не резкий парфюм, который оставался в воздухе после некоторых гостей. Что-то сухое, прохладное. Кедр, может быть. Можжевельник. И ещё один тёмный, чуть дымный оттенок, названия которого она не знала. Запах зимнего леса, в котором слишком тихо. Инга налила воду. Мужчина поблагодарил, но к стакану не притронулся.

— Вы давно здесь работаете?

Она насторожилась.

— Месяц. А это опрос для сотрудников?

На его лице едва заметно изменилось выражение. Не улыбка. Скорее, он не ожидал вопроса в ответ.

— Нет. Мне стало интересно, нравится ли вам здесь.

— Работать можно.

— Это не совсем ответ.

— Зато честный.

Теперь он посмотрел на неё внимательнее. Инга пожалела, что не ограничилась одним словом.

— Вы всегда так разговариваете с гостями?

— Только с теми, которые задают вопросы о моей работе, но не объясняют зачем.

В другом конце стойки Денис позвал её и, когда Инга подошла, тихо предупредил:

— Тимур Маратович. Владелец. Я его знаю, он иногда заезжает по делам.

Потом выразительно посмотрел на мужчину, будто всё равно пытался определить, не появился ли у него конкурент. Инга отошла, не дожидаясь продолжения. Следующие сорок минут Тимур провёл в зале. Он пересел за стол у стены, к нему подходили Сергей Викторович и шеф, потом появился старший смены охраны. Никто из них не выглядел расслабленным. Незадолго до закрытия Сергей Викторович велел прекратить обслуживание бара.

— У нас ещё два стола, — заметил Денис. — И вообще-то работаем до двенадцати.

Обычно он спорил легко, с улыбкой, но сейчас управляющий посмотрел на него так, что улыбка исчезла.

— Они закончат с тем, что есть. Закрывай кассу и никуда не уходи. Оба останетесь после смены.

Последние гости ушли в половине двенадцатого. Официанты начали убирать зал, но Сергей Викторович потребовал, чтобы весь персонал бара остался на месте. Инга сняла жилет и уже собиралась расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки, когда он положил на стойку распечатку.

— Сегодня в двадцать один ноль семь под учётной записью Инги был открыт заказ на восемьдесят шесть тысяч рублей. В нём одна позиция — бутылка двадцатипятилетнего виски. Заказ закрыт способом оплаты «за счёт заведения», подтверждение прошло по моей менеджерской карте. Физически бутылки на складе нет.

Денис нахмурился.

— Подожди. Как она могла сама провести «за счёт заведения», если у неё нет менеджерских прав?

— Никак. Она открыла заказ и попросила меня подтвердить комплимент для гостя. Я доверился сотруднику, который сказал, что вопрос согласован.

Инга несколько секунд смотрела на управляющего, не веря, что он произнёс это настолько спокойно.

— Вы взяли мою карту. Сами открыли заказ и своей картой его подтвердили.

— Я не брал твою карту.

— Вы подошли к стойке около девяти. Сказали, что у вас слетела авторизация.

— Не было такого.

Инга посмотрела на Дениса. Тот покачал головой:

— Я был на приёмке. Но она не могла оставить стойку, чтобы отнести кому-то бутылку. Весь вечер была здесь.

— У неё было достаточно времени, — отрезал Сергей Викторович. — И доступ к складу у сотрудников бара есть.

— Я видела, как вы вынесли коробку из подсобного помещения и передали мужчине в служебном коридоре.

Лицо управляющего изменилось не сразу.

— Осторожнее с обвинениями.

— Я не обвиняю. Я говорю, что видела.

— Этого никто больше не видел.

— Я видел, как вы брали у неё карту, — раздался голос незнакомого мужчины.

Инга не заметила, когда он снова подошёл к стойке. Сергей Викторович повернулся к нему.

— Тимур Маратович, возможно, вы не так поняли. Я мог попросить её авторизовать заказ, который она сама подготовила.

— Только что вы сказали, что вообще не брали карту.

Управляющий замолчал. Незнакомец взял распечатку и несколько секунд изучал данные.

— Записи с камер за это время.

Старший смены охраны открыл ноутбук.

— В служебном коридоре камера не работает четвёртый день. Заявка на ремонт есть.

— А в зале?

— Всё записано.

Из-за полной посадки бармены в тот вечер сами выносили часть напитков, если официанты не успевали. В двадцать один ноль семь Инга находилась у двенадцатого столика и ставила перед гостями коктейли. Сергей Викторович стоял возле кассового терминала.

— Увеличьте, — попросил Тимур.

Изображение стало зернистым, но было видно, как управляющий проводит картой по считывателю, работает с экраном, затем достаёт вторую карту.

— Это ваша карта? — спросил Тимур у Инги, указывая на первую.

— Да. Он вернул её через минуту.

Сергей Викторович побледнел.

— Я же говорю, она могла попросить меня...

— Она в этот момент выносила напитки к столу, потому что официанты не успевали. На записи нет ни одного разговора между вами.

Инга стояла, прижав ладони к краю стойки. Ей хотелось расстегнуть воротник, забрать вещи и выйти на улицу. Хотелось, чтобы никто больше не смотрел на неё как на человека, который мог украсть бутылку стоимостью в несколько её зарплат. Сергей Викторович повернулся к ней:

— Открой шкафчик.

— Зачем?

— У тебя личные вещи. Пока не выяснили, где бутылка, мы имеем право проверить помещение для персонала.

— Нет у вас такого права, — вмешался Денис. Он встал рядом с Ингой, уже без обычной улыбки. — Полицию вызывайте, если уверены. Самостоятельно в её сумке никто рыться не будет.

— Денис, отойди.

— Я и так далеко от неё стою. Уже месяц, между прочим, хотя прикладываю все усилия.

Инга коротко взглянула на него. Даже сейчас он умудрился вставить своё. Тимур закрыл распечатку папкой.

— В шкафчике посмотрим только визуально. Личные вещи никто не трогает. Инга откроет его сама.

Это всё ещё не было просьбой. Но после произошедшего она хотела закончить как можно быстрее. В комнату персонала вошли Сергей Викторович, старший смены охраны и Тимур.

Денис остался возле открытой двери. Инга повернула ключ в замке. Сверху лежала её сумка. Ниже — свёрнутые джинсы, свитер и кроссовки. На крючке висели наушники. На нижней полке стояла старая потёртая сумка для фотоаппарата. Сергей Викторович сразу потянулся к ней.

— Не трогайте.

Он замер. Инга сама достала сумку и прижала к себе.

— Что там? — спросил управляющий.

— Фотоаппарат.

— Открывайте.

— Зачем?

— Посмотрим, действительно ли фотоаппарат. Вещь дорогая, судя по сумке.

Она почувствовала, как внутри поднимается горячая, почти удушающая волна. Фотоаппарат был старым. Потёртым. С заменённой резинкой на корпусе и царапиной возле экрана. Она купила его с рук два года назад, откладывая деньги с каждой работы. Иногда весь месяц ела макароны, потому что находился нужный объектив или ломалась карта памяти. Но объяснять это человеку, который уже решил, кем она является, было невыносимо.

— Я не обязана отчитываться, на что трачу свои деньги.

— Когда из ресторана пропадает имущество — обязана.

— Хватит, — сказал Тимур.

Он произнёс это спокойно, но Сергей Викторович сразу отступил. Взгляд Тимура скользнул по истёртому ремню, разлохматившимся швам, старой молнии и её пальцам, сжавшим сумку.

— Поставьте обратно, Инга. Открывать не нужно.

Она осторожно вернула сумку на полку. Когда они вернулись в зал, старший смены охраны снова открыл запись.

— Мужчина, которому вы якобы передали коробку, не попал ни на одну работающую камеру, — сказал Сергей Викторович. Он, кажется, немного пришёл в себя. — В служебном коридоре ничего нет. Остальное — фантазии новой сотрудницы.

Инга посмотрела на экран. Камера была направлена на бар и часть входа. Служебный проход действительно оставался за стеной.

— Перемотайте на двадцать один двенадцать, — попросила она.

Старший смены охраны посмотрел на Тимура. Тот кивнул.

— Теперь медленнее.

На экране Инга готовила коктейль. Сергей Викторович появился на несколько секунд возле края барной стойки, затем исчез за стеной.

— Здесь ничего нет, — сказал он.

— Есть. Верните на несколько секунд назад.

Инга подошла ближе и указала на высокую зеркальную панель за бутылками. В ней отражалась часть служебного прохода. Изображение было маленьким и искажённым, но в отражении отчётливо появился Сергей Викторович с коробкой в руках. Через несколько секунд коробку забрал второй мужчина. Никто не заговорил. Тимур смотрел сначала на отражение, затем на Ингу.

— Как вы это заметили?

Она пожала плечами.

— Там зеркало.

— Остальные тоже видят зеркало.

Инга не нашла, что ответить. Для неё всё было очевидно. Свет, отражение, движение в глубине кадра. Она всегда замечала не только то, что находилось прямо перед ней.

— Коробку можно было вынести через кухню, — объяснила она. — Но он пошёл по коридору, потому что знал о сломанной камере. Просто не учёл отражение.

Сергей Викторович резко повернулся к ней:

— Да кто ты вообще такая?

Она вздрогнула. Не из-за громкости. Из-за вопроса. Кто ты такая?

Швея с красным дипломом, спрятанным в чемодане. Оператор колл-центра. Кассир. Администратор. Бармен, работающий здесь первый месяц. Девушка без высшего образования, которая каждый раз боялась, что кто-нибудь произнесёт этот вопрос чуть иначе:

А ты вообще кто?

Инга выпрямилась.

— Человек, которого вы решили сделать виноватым.

Тимур закрыл ноутбук.

— Достаточно. Сергею Викторовичу заблокировать доступ к кассовой системе, складу и служебным помещениям. Все записи за последние шесть недель сохранить в трёх копиях. Провести полную инвентаризацию без его участия. До приезда сотрудников моей службы безопасности ресторан он не покидает.

— Вы не можете просто запереть меня здесь.

— Я не запираю. Вы можете уйти, но тогда охрана сейчас вызовет полицию и передаст ей записи и документы. Решение за вами.

В его голосе не было угрозы. От этого сказанное звучало хуже. Сергей Викторович посмотрел на Ингу так, словно именно она только что разрушила его жизнь. Она отвела глаза. Руки начинали дрожать. Теперь, когда всё почти закончилось, тело решило отреагировать за неё. Инга сцепила пальцы, чтобы никто не заметил. Денис заметил. Он шагнул ближе и, не касаясь её, тихо спросил:

— Воды принести?

Инга покачала головой. Тимур тоже посмотрел на её руки, но ничего не сказал.

— Смена оплачивается полностью. Никаких удержаний с сотрудников бара не будет.

— Я не собиралась отдавать деньги, — произнесла Инга.

Он повернулся к ней.

— Я знаю.

— Не знаете. Вы меня первый раз видите.

Несколько секунд Тимур молчал.

— Справедливо.

Денис кашлянул, пряча улыбку. Инга бросила на него предупреждающий взгляд, но он только едва заметно подмигнул. Тимур посмотрел на её бейдж, хотя имя там было написано достаточно крупно.

— Инга. Ваша фамилия?

Она напряглась.

— Зачем?

— Мне нужны данные всех сотрудников, имевших доступ к кассе и складу.

— Чтобы проверить?

— Разумеется.

Он даже не попытался смягчить ответ. Инга назвала фамилию. Мужчина повторил её один раз, словно сохранял в памяти.

Где-то за её спиной Денис едва слышно выдохнул. Фамилию Бекетова Инга уже слышала — в разговорах сотрудников, в документах, которые приносили управляющему, в однажды брошенной фразе: «Это ресторан сети Бекетова, так что здесь с деньгами не шутят». Теперь имя соединилось с человеком, которого Денис назвал владельцем. Тимур Бекетов. За весь вечер он не выпил даже воду.

— Завтра к четырём, — сказал Тимур. — Нужно будет восстановить всё, что вы заметили за этот месяц.

— Я работаю с шести.

— Тогда придёте на два часа раньше.

Инга почувствовала раздражение.

— Вы всегда назначаете людям время, не спрашивая, свободны ли они?

— Нет. Только когда расследую хищение в собственном ресторане.

— А спросить всё равно можно.

Тимур ненадолго задумался, будто она предложила ему незнакомый, но потенциально полезный метод.

— Вы сможете приехать к четырём?

— Смогу.

— Спасибо.

Его благодарность прозвучала настолько серьёзно, что Инга не сразу нашлась с ответом. Проходя мимо, Тимур оказался достаточно близко, чтобы она снова почувствовала сухой запах кедра, можжевельника и чего-то тёмного, почти дымного. Через несколько секунд дверь ресторана за ним закрылась. Денис подошёл к Инге и опёрся локтем о стойку.

— Ты понимаешь, с кем сейчас спорила?

Она посмотрела на полный стакан воды, оставшийся у края стойки.

— Теперь понимаю.

— И какие впечатления?

Инга расстегнула наконец верхнюю пуговицу рубашки.

— Неприятный человек.

— Очень богатый неприятный человек, — уточнил Денис. — Между прочим, я значительно приятнее. И почти получил высшее образование.

Она толкнула его плечом.

— Не начинай.

— Я просто напоминаю о своих преимуществах перед конкурентами.

— У тебя нет конкурентов.

Денис довольно улыбнулся.

Инга покачала головой и потянулась за стаканом Тимура. Она не стала добавлять, что неприятные люди обычно не запоминались ей по запаху.

Глава 2

Тимур не любил формулировку «техническая неисправность». Обычно за ней скрывалось что-то более конкретное: сотрудник не подал заявку, подрядчик не приехал, руководитель не проверил исполнение, оборудование отключили намеренно. Камера в служебном коридоре ресторана не работала четыре дня. Заявка на ремонт действительно существовала. Её создали утром первого дня, перенесли на следующий, затем закрыли с пометкой «доступ к оборудованию не предоставлен». После этого никто не проверил, восстановлена ли запись. Четыре дня слепой зоны.

Тимур сидел в кабинете управляющего, просматривая журнал событий кассовой системы. Ресторан давно закрылся, свет в основном зале выключили, но сотрудники его службы безопасности продолжали работать. Один снимал копию с сервера видеонаблюдения, второй проверял склад, третий разговаривал с персоналом. Сергей Викторович согласился дождаться окончания внутренней проверки в соседнем помещении и при свидетелях передал телефон, чтобы сохранить переписку.

— В этом ресторане за последние шесть недель восемь подобных операций, — сообщил сотрудник, развернув ноутбук к Тимуру. — Все заказы открывались под учётными записями барменов или официантов, закрывались «за счёт заведения» и подтверждались менеджерской картой Сергея Викторовича. Суммы от тридцати до ста двадцати тысяч.

— Сотрудники утверждают, что просили проводить комплименты?

— Двое подтверждают небольшие заказы для постоянных гостей. Остальные ничего не знают. У одной официантки карту несколько раз брали под предлогом исправления ошибки в заказе. Пароль администратора Сергей Викторович тоже использовал не один.

— По остальным точкам?

— Ещё одиннадцать операций в двух ресторанах сети. Самая ранняя — четыре месяца назад.

Инга пришла сюда только месяц назад. Хищения начались задолго до неё и сразу в нескольких заведениях, поэтому Тимур с самого начала не рассматривал её как организатора. Управляющий попытался переложить на новую сотрудницу одну операцию, но запись уже доказала, что он лжёт. Тимур пролистал таблицу. Схема выглядела примитивно: дорогой алкоголь оформляли как подарок от заведения, выносили через служебный коридор со сломанной камерой и передавали посреднику. Вероятно, тот продавал товар частным клиентам или другим ресторанам, а участники делили выручку. Управляющий рассчитывал, что отдельные списания затеряются среди представительских расходов. Почти получилось.

— Кто должен был проверять еженедельные отчёты?

— Финансовый контролёр управляющей компании.

— Почему не проверял?

Сотрудник помедлил.

— Говорит, что доверял управляющему.

Тимур поднял глаза.

— Больше не доверяет?

— Полагаю, что нет.

— Хорошо. Завтра проверите уже его. Все операции в корпоративных системах, служебные контакты с Сергеем Викторовичем. Отдельно выясните, кто предложил закрыть ремонт камеры без исполнения.

Сотрудник кивнул и вернулся к ноутбуку. В Бауманке Тимура приучили искать не самое красивое объяснение, а уязвимость системы. Если люди несколько месяцев выносили товар из разных ресторанов, используя чужие учётные записи, проблема была не только в конкрет-

ном управляющем. Значит, система позволяла. А всё, что система позволяла однажды, рано или поздно повторялось. Телефон на столе завибрировал. На экране появилась фотография младшей сестры. Она звонила второй раз за ночь. Тимур посмотрел на часы. Почти три. Он принял вызов.

— Ты почему не спишь?

— Я могла бы спросить то же самое, но мне хотя бы двадцать один, и я официально имею право вести разрушительный образ жизни.

— В три часа ночи ты должна быть дома.

— Я дома. Мама сказала, что ты опять работаешь, и велела проверить, жив ли ты.

— Мама тебе не говорила звонить.

— Конечно. Она просто прошла мимо моей комнаты четыре раза и каждый раз вслух удивилась, почему ты до сих пор не ответил в семейном чате.

На заднем плане раздался приглушённый голос матери. Сестра рассмеялась.

— Видишь? Совершенно не просила.

Тимур откинулся на спинку кресла.

— Передай, что я жив. Скоро поеду домой.

— В воскресенье приедешь?

— Постараюсь.

— Нет. «Постараюсь» — это твоё взрослое слово для «не приеду». Папа будет готовить плов, старшие уже подтвердили, младший брат привезёт свою девушку. Тебе нельзя пропускать, иначе все вопросы достанутся мне.

— Какие вопросы?

— Когда свадьба, когда дети и почему современные люди не ценят семью. Ты хотя бы старший и богатый, к тебе относятся осторожнее.

— У нас есть старший брат.

— Он уже женат. Бесполезный человек.

Тимур впервые за вечер улыбнулся. Сотрудник напротив сделал вид, что не заметил.

— Я приеду, — сказал Тимур. — А теперь ложись спать.

— Слово?

— Слово.

— Записала. Спокойной ночи.

Она отключилась не сразу, успев передать телефон матери. Та спросила, ел ли он, почему опять без пальто и помнит ли, что семья существует не только по воскресеньям. Тимур ответил на все вопросы. Когда разговор закончился, кабинет снова стал слишком тихим. Он несколько секунд смотрел на погасший экран. С близкими всё было иначе: их Тимур почти никогда не проверял. Не потому, что беспокоился меньше. Наоборот. Просто знал каждого из них слишком хорошо. Понимал, когда отец действительно сердится, а когда делает вид. Слышал по голосу матери, если у неё болит голова. Знал, что младший брат привирает, когда начинает слишком подробно объяснять. Понимал, что сестра позвонила не только по поручению матери: она сама хотела убедиться, что с ним всё в порядке. Близкие были единственными людьми, слова которых он иногда принимал без подтверждений. Иногда. В дверь постучали.

Руководитель личной охраны вошёл в кабинет и положил на стол фотографию мужчины в тёмной куртке.

— Нашли. Камера на соседнем здании поймала машину. Номер подложный, но лицо водителя есть. Его опознали через старые контакты.

— Кто?

— Антон Зимин. Раньше работал на людей Чернова. Сейчас числится водителем в логистической компании, но компания пустая. В последние месяцы несколько раз пересекался с управляющим.

Чернов не был партнёром Тимура. В подростковом возрасте Тимур работал на людей из его круга, потом ушёл; с тех пор между ними держалось не сотрудничество, а вооружённое молчание. Фамилия принадлежала прошлому, которое редко становилось безопаснее от того, что его называли вслух.

— Зими́на не трогать, — распорядился он. — Только наблюдение. Нужно понять, кому уходил алкоголь и был ли ресторан единственным источником.

— Предупредить Чернова, что мы задели его бывшего человека?

Тимур посмотрел на него.

— Нет.

— Он всё равно узнает, что мы спрашивали.

— Тогда пусть узнает.

Руководитель охраны кивнул. Он работал с Тимуром достаточно долго, чтобы не переспрашивать.

— Машина у входа. Здесь ещё надолго?

— Ещё минут двадцать. Потом домой.

— Тогда у ресторана всё равно сменю экипаж.

Охрана сопровождала Тимура почти всегда. Люди, которые знали только о наследстве, бизнесах и должности в банке, считали это причудой богатого человека. Кто-то видел в этом демонстрацию статуса. Другие полагали, что Тимур просто любит контролировать пространство. Последнее было ближе к правде. Но не объясняло всего. Тимур слишком хорошо знал, как быстро угроза, направленная на одного человека, может добраться до его семьи. Когда-то для этого хватило одной фамилии, одного адреса и нескольких минут чужого времени. С тех пор он предпочитал платить людям, чья работа заключалась в том, чтобы замечать опасность раньше него. Хотя раньше него получалось редко.

— Сотрудников бара проверили? — спросил Тимур.

— Предварительно. Денис работает здесь два года, заканчивает вечернее отделение факультета управления, направление — менеджмент в гостинично-ресторанном бизнесе. Служебных нарушений нет. С Ингой открыто флиртует — это подтвердили коллеги.

Тимур поднял взгляд.

— Мне не нужны их личные разговоры, если они не связаны с расследованием.

— Понял.

— Что по Инге?

Руководитель охраны открыл файл на планшете.

— Двадцать пять лет. Постоянной регистрации по нынешнему адресу нет, квартиру снимает. С отцом не общается. Мать живёт в другом городе, контакты редкие. После девятого класса поступила в профессиональное училище, специальность — швея. Диплом с отличием.

Тимур перевёл взгляд на экран.

— Высшего образования нет?

— Нет. Нынешний ресторан — девятое официальное место после училища. До него были небольшое швейное производство — там она задержалась меньше месяца, два магазина, колл-центр, хостел и три заведения общепита. Несколько периодов без официального трудоустройства. Здесь работает первый месяц.

— Почему ушла с производства?

— Пока не выясняли. Вы просили предварительную проверку без контакта с бывшими работодателями.

— Правильно.

На экране находилась фотография из паспорта. Инга смотрела прямо в камеру с тем же выражением, с каким несколько часов назад спрашивала, всегда ли он назначает людям время,

не интересуясь их планами. На паспортном снимке волосы были распущены. Светлее, чем в ресторане. Лицо казалось мягче. Тимур закрыл фотографию.

— Что ещё?

— Два года назад купила подержанный фотоаппарат через частное объявление. Иногда снимает знакомых за деньги — в открытом профиле есть несколько благодарностей за фотографии. Постоянного дохода от этого, судя по всему, нет. Социальные сети почти пустые. Публикует редко, в основном город, людей со спины, окна, отражения.

Руководитель охраны несколько секунд молчал.

— Что-то не сходится?

— Пока всё сходится.

— Тогда почему она вас заинтересовала?

Тимур посмотрел на закрытую дверь кабинета.

— Потому что несколько месяцев хищений в сети не замечали финансовый контролёр, охрана и сотрудники, работающие здесь годами. А девушка без опыта в первый месяц увидела коробку в отражении.

— Может, случайность.

— Возможно.

К половине четвёртого Тимур передал Кириллу список того, что нужно проверить до утра, ещё раз проговорил порядок по камерам, счетам и сотрудникам и уехал домой. В машине он дочитал предварительный отчёт, но ноутбук в дом не понёс. Принял душ, поставил телефон на громкий звонок и лёг в кровать, а не на диван в кабинете. Проспал чуть больше четырёх часов.

В восемь Кирилл прислал собранные за ночь материалы; к девяти Тимур снова был в ресторане. Теперь цепочка восстанавливалась: Сергей Викторович проводил дорогой алкоголь как подарок от заведения под чужими учётными записями, Зимин забирал коробки через служебный вход, после чего товар продавали на сторону. Кто-то в управляющей компании скрывал расхождения в отчётах.

Сергей Викторович сначала отрицал всё, затем ссылаясь на распоряжение одного из партнёров и наконец назвал происходящее неофициальной продажей постоянным клиентам с последующим возмещением. Когда Тимур положил перед ним список из восьми операций, выписки по спорным операциям и фотографию Зимина, управляющий перестал говорить.

— У вас семья? — спросил Тимур.

Сергей Викторович поднял голову. За ночь он постарел лет на десять.

— Жена и дочь.

— Они знали?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что деньги придётся вернуть вам, а не им.

Управляющий облизнул пересохшие губы.

— У меня нет всей суммы.

— Есть автомобиль, накопления и доля в загородном доме.

— Вы проверили?

— Разумеется.

— Вы не можете забирать имущество у моей семьи.

— Вы добровольно возмещаете ущерб, передаёте сведения обо всех участниках схемы и сотрудничаете со следствием. Тогда компания подтвердит, что вы помогли раскрыть преступление и начали возвращать деньги. Это учтут при назначении наказания.

— А если откажусь?

Тимур сложил документы в папку.

— Тогда материалы всё равно уйдут в полицию, а имущество, на которое можно обратиться взыскание, продадут в счёт возмещения ущерба.

Сергей Викторович смотрел на него с ненавистью. Тимур привык. Ненависть была понятной реакцией. В отличие от доверия, она редко требовала проверки. Из ресторана он вышел около десяти утра. Город давно проснулся: дворники уже убрали шланги, соседнее кафе выставило на витрину выпечку, по мокрому асфальту двигались короткие дневные тени. Тимур назвал водителю адрес банка и по дороге вернул в расписание одну из перенесённых встреч. Четырёх часов сна было меньше, чем следовало, но достаточно, чтобы не продолжать ночь на одном кофе.

Работа в банке не была необходимостью. Доходы от наследства, долей в компаниях и инвестиций позволяли ему вообще не работать. Родители несколько раз спрашивали, зачем он продолжает брать на себя чужие риски и лично разбираться в ситуациях, которые можно передать заместителям. Тимур не умел объяснить так, чтобы они поняли. Он чувствовал себя на своём месте только там, где существовала угроза, которую другие ещё не видели. Банк был огромной системой: люди, деньги, устройства, документы, серверы, филиалы, контрагенты. Каждая связь могла стать точкой проникновения. Каждая ошибка — чьей-то возможностью. Для Тимура это не было источником тревоги. Это было порядком. К половине одиннадцатого он находился в кабинете службы безопасности банка. Секретарь поставила на стол кофе и напомнила о совещании по новой системе защиты удалённого доступа.

— Перенести ещё раз? — спросила она, заметив усталость.

— Нет.

— Тогда хотя бы поешьте.

— Позже.

Она вздохнула точно так же, как мать несколько часов назад, и ушла. На совещании присутствовали руководители четырёх подразделений и представители подрядчика. Первые двадцать минут они рассказывали о многоуровневой архитектуре, международных сертификатах и минимальной вероятности человеческой ошибки. Тимур слушал. Потом задал три вопроса о восстановлении доступа сотрудника после утери телефона. После третьего вопроса выяснилось, что оператор поддержки может временно отключить один из факторов аутентификации без подтверждения руководителя.

— Это исключительная ситуация, — объяснил представитель подрядчика. — Все обращения записываются.

— Запись разговора не предотвращает нарушение.

— Но позволяет установить виновного.

— После того как доступ уже получен.

В комнате стало тихо.

— Переделать процесс, — сказал Тимур. — Временное отключение только после независимого подтверждения второго сотрудника и автоматического уведомления руководителя подразделения. До этого систему не принимаем.

— Это увеличит время восстановления.

— Безопасность иногда занимает время.

Он закрыл папку. Совещание закончилось на сорок минут раньше. В двенадцать позвонил отец.

— Мама говорит, ты обещал приехать в воскресенье.

— Приеду.

— Я не поэтому звоню.

— Конечно.

— Ты опять ночью был в ресторане?

Тимур посмотрел на окно. Один из братьев, вероятно, уже пересказал семейному чату то, что услышал от службы охраны. В их семье информация распространялась быстрее, чем в большинстве корпоративных систем.

— Возникла проблема с управляющим.

— Серьёзная?

— Уже нет.

— Значит, была серьёзная.

— Пап.

— Не рассказывай, раз не можешь. Просто не забывай, что не каждую проблему нужно решать лично.

— Я знаю.

— Нет, — спокойно возразил отец. — Ты это слышал. Знать начнёшь, когда однажды действительно не поедешь среди ночи проверять ресторан.

Тимур улыбнулся.

— В воскресенье обсудим.

— Не обсудим. В воскресенье будем есть плов, а твоя мама сделает вид, что не считает, сколько ты положил себе на тарелку.

Отец отключился. Тимур ещё несколько секунд держал телефон в руке. С близкими всё всегда было сложнее. Им нельзя было приказывать перестать беспокоиться. Нельзя было предоставить отчёт, подтверждающий, что он в безопасности. Нельзя было закрыть уязвимость техническим решением. Они просто любили его. Иногда это казалось Тимуру самым ненадёжным из существующих механизмов. И самым прочным.

В половине четвёртого он вернулся в ресторан. Сотрудники управляющей компании уже закончили инвентаризацию. Новый временный управляющий просматривал графики, техническая служба меняла камеру в коридоре, а сотрудники охраны продолжали опрашивать персонал. Встречу с Ингой Тимур назначил на четыре. В три сорок восемь он увидел её через окно кабинета. Не сразу узнал. На ней были джинсы, свободный тёмно-синий свитер и кроссовки. Волосы она оставила распущенными. На плече висела старая сумка с фотоаппаратом, на голове были большие наушники.

Инга остановилась возле входа, но не вошла. Несколько секунд она смотрела на мокрый тротуар. Затем сняла наушники, достала камеру и присела, выбирая угол. Тимур проследил за направлением объектива. В луже отражались вывеска ресторана, часть неба и проходившая мимо женщина с красным зонтом. Ничего примечательного. Инга сделала один снимок, посмотрела на экран, немного сместилась и сняла ещё раз. На третьем кадре край лужи обрезал фигуру женщины: в отражении остался только красный зонт, словно плывущий сам по себе. Инга убрала камеру в сумку и вошла в ресторан. Тимур вернулся к столу. На планшете перед ним находился файл со всем, что кадровая служба и открытые источники позволяли установить за несколько часов: адрес из анкеты, места работы, училище, редкие публикации и родственники. Он знал адрес, который Инга указала работодателю. Знал её нынешнюю зарплату. Знал, что она получила диплом швеи с отличием и совсем немного работала по специальности.

Но не знал, почему из всего утреннего города она заметила именно отражение красного зонта в грязной луже. Тимур закрыл файл за секунду до того, как в дверь постучали.

Глава 3

Инга постучала ровно в четыре. Не потому, что привыкла приходить вовремя. Скорее наоборот: обычно она рассчитывала дорогу так, будто светофоры, люди и общественный транспорт обязаны учитывать её планы. Сегодня вышла заранее и уже в три сорок восемь стояла возле входа. Двенадцать лишних минут ушли на песню, красный зонт в луже и короткую паузу перед кабинетом. В ресторан она вошла не через служебную дверь. Тимур вызвал её на разговор, а не на смену; белая рубашка осталась в шкафчике, и без формы помещение казалось немного чужим. Днём здесь было слишком светло. На столах ещё не горели лампы, музыка звучала тише, сотрудники готовили зал к вечеру и разговаривали, не понижая голоса при гостях. Денис увидел её первым.

— Ты пришла добровольно? — спросил он, выглядывая из-за стойки. — Моргни два раза, если тебя вынудили.

— Я пришла поговорить.

— С владельцем сети из семи ресторанов, который полночи разбирался с управляющим. Именно это я называю добровольным риском.

Инга оставила наушники на шее. На плече висела старая сумка с камерой, хотя фотографировать в ресторане она не собиралась. Просто после разговора хотела пройтись по городу. Возможно, до набережной. Возможно, в противоположную сторону — ей нравилось оставлять себе право решить позже.

— Где он?

Денис кивнул на кабинет.

— Там. С Головиным. Это тот высокий мужчина, который утром заставил меня трижды рассказать, кто и когда брал карты доступа. Очень вежливый. После него я почти признался в вещах, которых не делал.

— Например?

— В плохом вкусе к женщинам.

— Здесь пришлось бы соврать.

Денис прижал ладонь к груди и успел улыбнуться раньше, чем из кабинета вышел незнакомый мужчина. Высокий, светловолосый, в тёмном костюме без галстука. На вид ему было около тридцати пяти. Он задержал взгляд на Инге, затем посмотрел на Дениса и, кажется, сразу понял, о чём они говорили.

— Инга Савельева? Кирилл Головин, внутренние расследования.

Он протянул руку. Рукопожатие было коротким и обычным, но Инга всё равно отметила спокойные пальцы, отсутствие часов и едва заметную белую линию старого шрама возле большого пальца.

— Тимур Маратович ждёт. Я ещё вернусь, у меня останется несколько вопросов.

— У меня может не остаться ответов.

Кирилл улыбнулся.

— Посмотрим.

Денис проводил его взглядом и тихо сообщил:

— Вот видишь. Конкуренция растёт.

Инга не ответила и вошла в кабинет. Тимур сидел за столом. Пиджак висел на спинке кресла, рукава светлой рубашки были закатаны до локтей. Перед ним лежали распечатки, планшет и схема, на которой Инга узнала названия нескольких ресторанов сети. Он поднялся.

— Вы пришли на двенадцать минут раньше.

— А постучала ровно в четыре.

— Я вижу.

— Обычно люди в такой ситуации говорят что-нибудь приятное.

— Например?

— «Спасибо, что приехали». Или «Я ценю вашу пунктуальность».

Тимур на секунду задумался.

— Спасибо, что приехали.

Прозвучало так серьёзно, что Инга не поняла, шутит он или действительно добавляет новую формулировку в перечень рабочих инструментов.

— Садитесь.

Она села напротив. Сумку поставила возле ноги, ремень оставила в ладони. Тимур заметил движение, но не посмотрел на камеру.

— Сразу уточню: вас никто не считает соучастницей.

Инга подняла глаза.

— Вчера это выглядело иначе.

— Вчера управляющий пытался переложить на вас вину. Эту версию мы исключили по записи. Общая схема началась за четыре месяца до вашего прихода и работала как минимум в трёх ресторанах сети.

Он развернул к ней таблицу. В ней были даты, суммы, названия заведений и учётные записи сотрудников.

— Сергей Викторович не мог организовать всё один. В двух других ресторанах у него не было доступа ни к складу, ни к кассе. Кто-то в управляющей компании видел списания и закрывал отклонения. Кто-то договаривался с получателями товара. Нам нужно восстановить не только операции, но и привычки людей вокруг них.

Инга медленно отпустила ремень сумки.

— Тогда зачем вам я?

— Потому что вы замечаете то, что остальные считают фоном.

— Это комплимент?

— Наблюдение.

— Вы умеете делать комплименты?

— Когда есть необходимость.

— Очень обнадеживает.

Тимур не улыбнулся, но взгляд стал чуть теплее. Он попросил рассказать о первом месяце работы: кто чаще появлялся на складе, кому управляющий отдавал карты, какие поставщики приходили не по расписанию, кто из сотрудников нервничал при инвентаризации. Инга отвечала сначала осторожно. Не хотела превращать случайные впечатления в обвинения.

— Мне нужны не выводы, — сказал Тимур, когда она в третий раз добавила, что могла ошибиться. — Только то, что вы видели.

— Люди не состоят из фактов отдельно от впечатлений.

— Расскажите и то и другое. Я разделю.

Инга не была уверена, что человека вообще можно так аккуратно разделить: здесь факт, здесь интонация, здесь чужая привычка, которая ещё ничего не доказывает. Именно поэтому она избегала рассказывать о людях слишком уверенно. Один и тот же жест мог означать страх, раздражение или просто усталость. Но Тимур не подталкивал к обвинениям. Он уточнял время, место, последовательность, а всё остальное пока оставлял рядом, не превращая в готовый вывод.

— Тогда начнём с того, что мне не нравилось, — сказала Инга. — Сергей Викторович никогда не носил коробки сам. Даже маленькие. Он вызывал кого-то из кухни или Дениса, потому что считал это не своей работой. В тот вечер понёс сам.

— Это впечатление или факт?

— Факт — он нёс. Впечатление — не хотел, чтобы кто-то ещё видел, что внутри.

Тимур коротко кивнул и записал обе части. Инга рассказала, как управляющий менялся после звонков из офиса: становился громче, начинал придирается к сотрудникам и несколько раз подряд проверял дверь служебного входа. Как в дни поздних поставок заранее просил охранника уходить на обход именно в тот момент, когда подъезжал фургон. Как однажды забрал ключ от склада у старшего бармена, хотя тот ещё не закончил смену.

— Почему вы всё это помните?

Вопрос прозвучал без подозрения, и всё равно Инга на секунду напряглась.

— Не знаю. Помню и всё.

— Даже то, что тогда не казалось важным?

— Особенно это. Важное люди повторяют. Мелочи обычно случаются один раз.

Тимур посмотрел внимательнее, будто эта фраза объяснила ему о ней больше, чем справка, которую уже успела собрать служба безопасности. Потом развернул следующий лист, не спрашивая лишнего. За это Инга впервые была ему благодарна.

— Вы правда считаете, что можете вспомнить?

— Обычно могу.

Она начала с поставок. По вторникам продукты принимал су-шеф, по пятницам — Денис или старший бармен. Алкоголь приезжал отдельно, чаще утром, но несколько раз Сергей Викторович просил привезти часть вечером. В такие дни возле служебного входа появлялся один и тот же серый фургон без логотипов.

— Номер помните?

Инга назвала. Тимур записал, не переспросив. Она вспомнила женщину из управляющей компании, которая приезжала дважды и каждый раз закрывалась с Сергеем Викторовичем в кабинете. Вспомнила, как тот после её визита менял график инвентаризации. Как однажды заставил Дениса переписать остатки уже после закрытия смены, хотя цифры совпадали. Как финансовый контролёр звонил только по мелким расхождениям и ни разу не спросил о дорогом алкоголе.

— Почему вы решили, что звонил именно контролёр?

— Сергей Викторович всегда говорил с ним на громкой связи. Ему нравилось, когда остальные слышали, что человек из управляющей компании обращается по имени.

— Имя?

— Олег. Финансовый контролёр управляющей компании.

— Фамилия?

— Руденко. Фамилия высветилась на экране.

Тимур поднял взгляд.

— Вы стояли рядом?

— Нет. Телефон лежал на стойке метрах в трёх.

— И вы прочитали?

— Там крупные буквы.

Он ничего не сказал, но что-то отметил в папке. Через полчаса на столе появилась новая схема. Инга пересела ближе, потому что с её места часть подписей была перевернута. Тимур положил рядом планы трёх ресторанов, и они отмечали камеры, служебные выходы и склады.

— Здесь зеркало, — сказала Инга, указывая на один из залов. — Если планировка не менялась.

— Менялась два года назад.

— Тогда старый план бесполезен.

— Не полностью. Несущие стены остались.

Инга потянулась через стол к дальнему краю схемы и рукавом задела стакан. Тимур одной рукой успел отодвинуть воду, другой поймал её за запястье. Пальцы сомкнулись уверенно и

сразу ослабли. Касание длилось меньше секунды, но тепло его ладони осталось на коже дольше, чем следовало.

— Извините.

— Ничего.

Инга придвинула снимок к себе, хотя уже не помнила, что хотела показать. В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошла женщина в светлом пальто. Высокая, тёмноволосая, с лицом, которое даже усталость не делала менее красивым. Она сразу подошла к Тимуру и поцеловала его в губы — коротко, привычно, так, будто кабинет принадлежал ей не меньше, чем ему.

— Ты опять не отвечаешь, — сказала она. — Я ждала внизу.

— Был занят.

— Вижу.

Женщина повернулась к Инге.

— Кира.

— Инга.

— Та самая Инга? Бармен?

Кира не вложила в вопрос пренебрежения, но Инга всё равно услышала главное: та самая. Уже обсуждаемая.

— Сотрудник, который обнаружил часть схемы, — поправил Тимур.

Кира посмотрела на него, затем снова на Ингу.

— Значит, мне нужно поблагодарить вас за спасённый виски?

— Лучше не меня. Я только увидела коробку.

— Иногда этого достаточно.

Кира сняла пальто и положила на соседнее кресло. Она явно собиралась остаться. Инга закрыла блокнот, хотя разговор ещё не закончился.

— Я могу прийти позже.

— Не нужно, — сказал Тимур слишком быстро.

Кира едва заметно подняла бровь. Инга увидела. Тимур тоже. В кабинете стало тесно, хотя места было достаточно.

— Мы почти закончили, — уточнил он.

— Тогда я подожду, — спокойно ответила Кира.

Кира говорила без сцены и не пыталась занять кабинет громче, чем уже занимала одним своим присутствием. Сняла перчатки, положила их поверх пальто и села так, будто умела ждать рядом с Тимуром давно. Инга вдруг слишком ясно почувствовала собственный растянутый свитер под курткой, старую сумку у ноги и то, что ещё час назад присела возле лужи ради красного зонта. Кира выглядела женщиной, которой не приходилось объяснять, почему она находится в этом кабинете.

Это ощущение оказалось неприятным не из-за Киры. Та была вежлива, не рассматривала Ингу сверху вниз и даже не потребовала, чтобы Тимур закончил быстрее. Неприятным было другое: Инга поймала себя на желании стать менее заметной, говорить короче и не спорить, чтобы не выглядеть той самой сотрудницей, ради которой чужая встреча снова сдвинулась. Она знала эту привычку. Умела мгновенно занимать ровно столько места, сколько никого не раздражало.

— Мы можем продолжить завтра, — сказала она.

Тимур сразу посмотрел на неё.

— Не можем. Завтра часть сотрудников узнает о проверке и начнёт осторожнее подбирать слова.

— Тогда продолжим.

Инга открыла блокнот. Слова прозвучали спокойнее, чем она чувствовала. Тимур ещё секунду смотрел, будто заметил не только согласие, но и причину, по которой оно появилось. Ничего не сказал.

Кира достала телефон. Не вмешивалась, но присутствие изменило всё. Тимур задавал вопросы так же точно, Инга отвечала, однако теперь замечала каждую паузу. Кира иногда поднимала глаза, когда Инга называла очередную деталь, и один раз улыбнулась, услышав про отражение в зеркале. Через несколько минут вернулся Кирилл. Он принёс список сотрудников и подтвердил, что серый фургон зарегистрирован на компанию, связанную с Олегом Руденко. Тимур коротко распорядился проверить счета, связи и доступ к отчётности. Кирилл кивнул и снова вышел. Инга слушала, понимая, что её часть закончена.

Кирилл вернулся через двадцать минут с распечатками по трём заведениям. До этого Тимур говорил только об одной схеме, но в таблице повторялись те же суммы, те же дни недели и почти одинаковые формулировки списаний. Менялись сотрудники, под чьими учётными записями открывали заказы, и фамилии управляющих. Один человек физически не мог находиться в трёх ресторанах одновременно.

— Значит, вы с самого начала знали, что это не я, — сказала Инга.

Тимур поднял взгляд от таблицы.

— Я знал, что вы не могли организовать схему. Первые списания появились за четыре месяца до вашего трудоустройства, а операции прошли в нескольких заведениях сети. Но конкретный заказ вчера был открыт под вашей записью. Его нужно было проверить отдельно.

— Можно было сказать это до шкафчика.

— Можно было.

Он не стал объяснять, что в первые минуты расследования не обязан успокаивать человека, которого обвиняет управляющий. Не сослался на процедуру и не попытался сделать собственное решение единственно правильным. Простое признание не исправляло унижения, но хотя бы не заставляло Ингу спорить с удобной версией событий.

— Я не думал, что Сергей Викторович полезет к вашим личным вещам, — добавил Тимур. — Должен был остановить раньше.

Кира оторвалась от телефона. На её лице не было ни ревности, ни желания вмешаться. Только внимательное любопытство человека, который давно знает Тимура и редко слышит от него признание ошибки без предварительного давления.

— Он умеет извиняться, — сказала она Инге. — Просто обычно это происходит после внутреннего расследования на сорок страниц.

— Кира.

— Я помогаю.

Инга невольно улыбнулась. Напряжение в кабинете немного ослабло, и работать стало легче. Она придвинула к себе таблицу и начала искать не одинаковые суммы, а одинаковые паузы. В двух ресторанах списания появлялись через день после поставки дорогого алкоголя. В третьем — в тот же вечер. Значит, человек из управляющей компании видел документы раньше сотрудников залов и заранее выбирал позиции, которые проще всего потерять внутри большого прихода.

— Кто получает отчёты по поставкам всей сети? — спросила она.

Кирилл назвал четыре должности. Тимур сразу вычеркнул две: один сотрудник находился в отпуске до начала схемы, у второй не было прав подтверждать представительские расходы. Остались финансовый контролёр и руководитель операционного блока.

Инга смотрела, как они работают. Кирилл собирал факты и оставлял между ними пустое пространство. Тимур почти физически не переносил пустоты: задавал следующий вопрос, проверял связь, требовал подтверждения. В его мире неопределённость была не состоянием, а задачей, которой ещё не назначили срок.

— Вы всегда так живёте? — спросила она.

— Как?

— Пока всё не объяснено, не можете заниматься ничем другим.

— Могу. Просто не вижу смысла.

Кира тихо усмехнулась.

— Это ответ человека, который однажды прервал отпуск из-за неправильной подписи в отчёте охраны.

— Подпись действительно была неправильной.

— И мир бы не рухнул до утра.

— Не факт.

Инга посмотрела на него и впервые увидела не только владельца, привыкшего получать ответы, но человека, для которого незамеченная деталь действительно могла означать опасность. Это не делало его мягче. Делало понятнее.

Когда Кирилл начал звонить в управляющую компанию, Инга поймала на себе взгляд Кире. Та не улыбалась, но и не оценивала. Как будто пыталась понять не соперницу, а изменение в знакомом мужчине. Инге стало неловко от мысли, что изменение уже заметно человеку, который знает Тимура гораздо дольше неё.

— Мне пора на смену, — сказала она.

— До неё больше часа.

— Я переоденусь и поем.

Тимур посмотрел на часы, словно проверяя расчёт.

— Хорошо.

Инга встала. Кира тоже подняла взгляд от телефона.

— Было приятно познакомиться.

— Взаимно.

Это было вежливо и почти правдиво. Тимур проводил Ингу до двери кабинета. В коридоре она остановилась.

— Вы действительно думаете, что все любят расследования так же, как вы?

— А вы не любите?

— Мне нравится замечать. Это не совсем одно и то же.

Она ушла в раздевалку. Тимур ещё несколько секунд стоял у двери, хотя Кира ждала внутри, а Кирилл продолжал объяснять найденные связи. В памяти осталось не зеркало, не фургон и даже не номер, который Инга назвала без ошибки. Тепло её руки.

Инга тем временем переодевалась в раздевалке и злилась на себя совсем по другой причине. Кира не сделала ничего дурного. Тимур не позволил себе ничего, что можно было бы назвать флиртом. И всё же короткое прикосновение на столе продолжало жить в пальцах, как будто тело запомнило его отдельно от разговора.

Денис заглянул в открытую дверь, остановившись на пороге.

— У тебя лицо человека, которому очень понравилось расследовать преступления.

— У меня лицо человека, который через час выходит на смену.

— А ещё пришла красивая женщина Тимура Маратовича, и ты с тех пор ни разу не улыбнулась.

Инга посмотрела на него.

— Ты слишком много замечаешь.

— Учусь у лучших.

Она бросила в него свёрнутым фартуком. Денис поймал и исчез в коридоре, довольный уже тем, что добился реакции. Инга осталась одна и собрала волосы для смены. В зеркале была та же девушка в белой рубашке, которая вчера считала Тимура неприятным человеком.

Только теперь ей хотелось понять, почему он извинился за случайное касание быстрее, чем за проверку всей её жизни.

Глава 4

В следующие пять дней Инга трижды пожалела, что согласилась помочь. Первый раз — когда Кирилл Головин появился в ресторане перед началом её смены и попросил проехать с ним в другое заведение сети. Второй — когда выяснилось, что «на час» означает почти четыре. Третий — когда Тимур предложил оформить её временным консультантом и назвал сумму оплаты.

— Нет, — сказала Инга.

Они стояли в служебном коридоре второго ресторана. За дверью гремела посуда, кто-то из поваров спорил с поставщиком, а Кирилл разговаривал по телефону у окна.

— Что именно? — спросил Тимур.

— Всё. Я не консультант и не могу получать столько за несколько разговоров.

— Вы работаете вне смены.

— Мне можно оплатить часы.

— Их и оплачивают.

— У меня за обычный час выходит в семь раз меньше.

— Обычный час не помогает обнаружить обман в трёх ресторанах.

Инга скрестила руки.

— Тогда вы платите за результат.

— Да.

— А если больше ничего не найду?

— Получите деньги за уже найденное.

Логика была почти неуязвимой, и это раздражало сильнее всего.

— Я подумаю.

— Договор уже подготовлен.

— Конечно.

Тимур протянул ей несколько страниц. Инга осталась стоять и сразу начала читать. Сумма была разбита на часы и отдельный бонус за информацию, уже подтверждённую проверкой. Ни подарка, ни расплывчатой благодарности — нормальный договор, из которого следовало, что её наблюдения имеют цену. Именно это оказалось труднее принять.

— Если подпишу, вы не будете считать, что я обязана приезжать по первому звонку?

— В договоре есть график.

— Я не про договор.

Тимур понял после короткой паузы.

— Нет. Деньги оплачивают работу. Не ваше согласие на всё остальное.

Ответ прозвучал слишком просто для вещи, которую Инга привыкла проверять годами. Она перелистнула страницы ещё раз, нашла пункт о расторжении и только потом убрала договор в сумку.

— Я прочитаю дома.

— Хорошо.

Его честность иногда раздражала больше давления. С ней нельзя было разоблачить красивую ложь и почувствовать себя победителем. Оставалось только решать, подходит ли ей настоящий человек напротив.

Вечером Инга ещё раз перечитала договор, нашла все пункты, в которых могла отказаться, и только после этого подписала. Не из-за суммы. Ей действительно хотелось понять, как далеко тянется обман. Впервые работа интересовала её не только оплатой и возможностью закрыть следующий месяц.

Расследование быстро вышло за пределы одного управляющего. Схема оказалась простой: Сергей Викторович и менеджеры ещё двух ресторанов списывали дорогой алкоголь как представительские расходы, затем передавали коробки через служебные входы посредникам. Товар продавали на сторону, выручку делили. Олег Руденко видел одинаковые списания, правил еженедельные отчёты и не давал расхождениям попасть выше. Получатели менялись, но серый фургон и несколько телефонных номеров повторялись.

Кирилл работал спокойно: не давил на сотрудников и редко задавал вопрос дважды. Он умел ждать, пока человек сам заполнит тишину, и Инга впервые встретила кого-то, кто пользовался молчанием почти так же, как она.

Следующие дни смешались в один длинный маршрут по сети. Утром Инга приезжала в ресторан, где обычно работала, переодевалась и успевала выпить кофе. Потом за ней приезжал Кирилл или водитель Тимура, и обычная смена откладывалась ещё на несколько часов. Они ездили в заведения, которые отличались интерьером, кухней и гостями, но за служебными дверями выглядели почти одинаково: серые коридоры, пластиковые контейнеры, списки на стенах и люди, привыкшие не замечать то, что не входит в их обязанности.

Инга не пыталась изображать специалиста. Просила показать склад, журналы списаний, порядок приёмки и места, где сотрудники оставляют карты доступа. В первом ресторане заметила, что менеджер всегда кладёт карту в открытый ящик возле кассы. Во втором — что камера над служебным входом отражается в металлической дверце холодильника и позволяет увидеть больше, чем считали сотрудники. В третьем попросила открыть старые фотографии мероприятий: на двух из них возле коробок с алкоголем стоял один и тот же мужчина, хотя по документам поставщики были разными.

Тимур почти не хвалил. Только переставал проверять её вывод второй раз, если Инга говорила, что уверена. Это оказалось более точным признанием, чем комплимент.

- Вы уже не спрашиваете, почему я что-то заметила, — сказала она однажды в машине.
- Ответ всё равно один.
- Какой?
- Потому что смотрите.

Инга повернула голову к окну, скрывая улыбку. Водитель сидел впереди, охрана ехала следом, а Тимур отвечал на сообщения банка. Его телефон не замолкал дольше двух минут, но, когда Инга говорила, он всегда откладывал взгляд от экрана. Не обязательно сразу соглашался, иногда спорил, но слушал целиком.

В середине дня они заехали в небольшое кафе. Инга выбрала самый дешёвый суп и отказалась от второго блюда. Тимур ничего не сказал при официанте, только заказал мясо на двоих и попросил подать его на общем блюде.

- Это обход моего отказа, — заметила она.
- Это мой заказ. Вы можете не есть.

Она собиралась именно так и сделать. Потом запах оказался слишком хорошим, а с утра в желудке был только кофе. Инга взяла один кусок, второй и поймала взгляд Тимура.

- Не комментируйте.
- Не собирался.
- Но довольны.
- Да.

Он не делал вид, будто не замечает её привычку экономить. И не превращал еду в одолжение, которое нужно принять из благодарности. Просто оставил рядом больше, чем она решилась заказать сама. Тогда это казалось почти идеальной формой заботы: возможность существует, но никто не заставляет ею пользоваться.

К вечеру Инга уже плохо чувствовала ноги. После десяти часов за стойкой усталость была понятной и равномерной; после поездок тело уставало от машин, лестниц, чужих помещений

и постоянного внимания. Тимур заметил, как она растирает щиколотку, и отменил ещё один адрес.

- Мы успеем завтра.
- Вы же ненавидите переносить.
- Ненавижу.
- Тогда почему?
- Потому что вы устали.
- Могу продолжать.
- Знаю.

Он не сомневался, что она выдержит. Просто не стал заставлять выдерживать. Инга запомнила это.

На обратном пути Кирилл прислал подтверждение: в трёх заведениях отчёты правил Руденко. Ещё два ресторана сети показывали похожие расхождения, пока меньшие по сумме. Обман оказался шире, чем думали ночью.

- Значит, завтра ещё два адреса, — сказала Инга.
- Если вы готовы.
- Готова. После моей смены.
- До смены. После десяти часов за стойкой вы хуже воспринимаете детали.
- Я нормально воспринимаю.

Тимур посмотрел на неё и кивнул.

- Хорошо. После смены.

Инга прищурилась.

- Вы специально согласились так легко?
- Я уверен, что к утру вы сами передумаете.
- Невыносимый человек.
- Тогда напишите, когда закончите.
- Вы и так знаете мой график.
- Хочу, чтобы время назвали вы.

На следующий день Тимур уехал в банк, и в четвёртом ресторане Инга работала с Кириллом. После разговора с администратором, который сначала ничего не помнил, а через двадцать минут назвал фамилию курьера, она спросила:

- Вы этому учились?
- Чему?
- Не торопить.
- Пришлось. Раньше я задавал слишком много вопросов.
- Как Тимур?

Кирилл посмотрел на неё и чуть улыбнулся.

- Тимур не задаёт лишних. Он просто хочет ответ быстрее, чем человек готов его дать.
- Очень дипломатично.
- Я с ним работаю.

В каждом заведении Инге хватало нескольких минут, чтобы уловить местный ритм и перестать быть чужой. В одном официанты говорили шёпотом, потому что управляющая слышала всё из кабинета, — и Инга тоже понижала голос. В другом бармены спорили с кухней через весь зал и через минуту вместе пили кофе — там она уже к первому перерыву шутила с поварами. Третий казался идеальным: аккуратные отчёты, спокойный персонал, склад закрывается вовремя. Именно там Инга заметила, что люди слишком одинаково отвечают на вопросы.

Кирилл наблюдал со стороны и однажды сказал:

- Если бы я задавал те же вопросы, они решили бы, что уже виноваты.

— Потому что вы смотрите, как будто знаете ответ.

— Иногда знаю.

— Вот и Тимур так делает.

— Нет. Тимур обычно действительно знает.

Вечером, когда Тимур за несколько минут связал одного из получателей алкоголя с фирмой-посредником Руденко, Инга вспомнила слова Кирилла. Уверенность Тимура была не только привычкой командовать. Он готовился дольше остальных и поэтому позволял себе говорить быстрее. Это не делало его менее невыносимым — только объясняло, почему люди слушались.

Первые два дня он приезжал только к концу разговоров, получал материалы и уезжал в банк. На третий появился раньше и остался до закрытия проверки. На четвёртый перенёс встречу, чтобы лично посмотреть записи вместе с Ингой. На пятый ждал возле её дома в половине третьего, хотя договорились на три. Инга вышла в три минуты четвёртого. Тёмная машина стояла у подъезда. Водитель уже собирался открыть заднюю дверь, но Тимур вышел первым, обошёл автомобиль и сделал это сам.

— Вы опоздали, — сказал он.

— На три минуты.

— Мы договаривались на три.

— В городе пробки.

— Вы вышли из дома.

— В подъезде тоже могла быть пробка.

Тимур посмотрел на часы.

— Три минуты я предусмотрел.

— Тогда зачем возмущаетесь?

— Чтобы их не стало пять.

Инга села в машину, скрывая улыбку. С того дня дверь открывал только он. Однажды водитель потянулся к своей двери, собираясь выйти первым, но Тимур уже оказался на тротуаре. Больше водитель не пытался его опередить.

Они ехали в ресторан на другом конце города. Инга сдвинула правый наушник с уха, оставив музыку только в левом.

За окном тянулись серые кварталы, мокрые остановки и люди, спешившие домой. Инга обычно использовала дорогу как единственное пространство, где никто не требовал отвечать: закрывала наушниками оба уха, смотрела в окно и на двадцать минут переставала быть сотрудницей, знакомой или человеком, которому нужно что-то решать. Рядом с Тимуром оставить одно ухо открытым оказалось почти таким же личным жестом, как позволить войти в квартиру.

Он несколько раз перелистывал одну страницу отчёта, явно не читая. Инга заметила, но не помогла. Пусть сам решает, нужен ли ему разговор. Тимур просматривал отчёт, но через несколько минут спросил:

— Что вы слушаете?

Она назвала исполнителя.

— Не знаю.

— Это нормально.

— Почему?

— Невозможно знать всё.

— Я не утверждал обратного.

Инга повернула голову.

— Вы очень убедительно делаете вид.

Тимур закрыл планшет.

— Дайте послушать.

Она не ожидала, но передала наушники. Тимур слушал до конца, не задавая вопросов.

— И? — спросила Инга.

— Неплохо.

— Это почти комплимент.

— Исполнителю.

— Конечно.

В ресторане их ждал Кирилл. С ресторанной частью к этому моменту всё стало ясно: Сергей Викторович и два менеджера выводили алкоголь, Руденко скрывал списания, посредники продавали товар. Зимин сбывал часть украденного людям Чернова. Это не делало Чернова организатором ресторанной схемы, но означало, что проверка задела один из его старых каналов. При фамилии Чернова Тимур стал неподвижнее. Инга заметила.

— Кто это?

— Человек, не имеющий отношения к вашей работе.

— Но имеющий отношение к расследованию.

— Возможно.

— Тогда почему вы не отвечаете?

Тимур посмотрел прямо.

— Потому что пока не хочу втягивать вас глубже.

Это прозвучало не как забота. Скорее, как уже принятое решение о границе, которую Инга не просила устанавливать.

— Я уже внутри. Вы возите меня по ресторанам и платите как консультанту. Я подписала договор.

— В договоре нет людей Чернова.

— Тогда объясните, почему они появились в вашем расследовании.

— Когда буду знать сам.

— Мы оба знаем, что вы уже знаете больше.

Кирилл кашлянул, скрывая улыбку.

Тимур не ответил, Инга не отступила, и к ответу они так и не вернулись: проверка завершилась поздно. Кирилл предложил отвезти Ингу: ему было по пути. Тимур ответил раньше неё:

— Я отвезу.

— У тебя встреча, — напомнил Кирилл.

— Перенёс.

Инга посмотрела.

— Из-за расследования?

— Да.

Ответ был слишком коротким. У входа их ждала Кира. Она сидела за столом у окна, листала меню и не выглядела человеком, которого предупредили о переносе встречи.

— Теперь понятно, куда ты перенёс, — сказала она Тимуру.

— Я написал.

— После того как время уже прошло.

Кира повернулась к Инге и улыбнулась без враждебности.

— Вы снова спасаете его рестораны?

— Сегодня только один.

— Очень продуктивно.

Инга хотела уйти сама, но Тимур взял её пальто раньше, чем она успела отказаться, и помог надеть. Его пальцы на секунду коснулись шеи под волосами. От лёгкого прикосновения по коже прошёл холодок. Кира увидела. Тимур тоже понял, что она увидела.

— Кирилл отвезёт, — сказала Инга.

— Он уже уехал.

Она посмотрела через стекло. Машины действительно не было.

— Тогда такси.

— Я обещал отвезти.

— Вы не обещали. Вы сообщили.

— Сейчас обещаю.

Кира поднялась.

— Отвези. Я вызову машину.

Кира не устраивала сцен и не ревновала — она просто устала.

На секунду Инге захотелось сказать, что она никуда с Тимуром не поедет. Не потому, что не хотела, а потому что Кира не должна была уступать место на собственной встрече. Но Кира уже открывала приложение, и в её лице было не раздражение на Ингу, а узнавание ситуации, которая, вероятно, повторялась не впервые: Тимур решал задачу, переносил личное и сообщал постфактум.

— Я правда могу вызвать такси, — сказала Инга.

— Можете, — ответила Кира. — Но он всё равно поедет следом и будет считать это разумным использованием двух машин.

Тимур посмотрел на неё.

— Я бы не поехал следом.

— Конечно. Ты отправил бы охрану.

Кира улыбнулась почти ласково, но усталость от этого стала заметнее. Инга вдруг поняла: дело не в случайной ревности к новой женщине. Кира слишком давно знала, что рядом с Тимуром любое удобство легко превращается в его решение. Просто до сих пор ей, возможно, было удобно тоже. По дороге Инга смотрела в окно. Тимур несколько раз начинал говорить о найденных связях, но разговор не складывался.

— Вы поссорились из-за меня? — спросила она наконец.

— Нет.

— Это неправда.

— Мы не ссорились.

— Тогда вы очень напряжённо не поссорились.

Тимур провёл ладонью по подбородку.

— Наши отношения с Кирой не касаются вас.

— Тогда не нужно было устраивать их рядом со мной.

Она сказала спокойно, но он услышал. У её подъезда Тимур вышел и открыл дверь. Инга задержалась на тротуаре.

— Завтра проверок нет?

— Нет.

— Хорошо.

— Вы рады?

— Я устала.

— От расследования?

Инга посмотрела на него. За несколько дней она привыкла к его голосу, рукам на документах, сухому запаху кедра и можжевельника в машине. Привыкла замечать, как меняется лицо, когда что-то не сходится, и как Тимур всегда встаёт ближе к двери, даже если никакой опасности нет.

— Не только.

Она вошла в подъезд. Тимур остался на улице, понимая, что последние дни перестраивал график уже не ради расследования. Его интересовала не только способность Инги видеть то, чего не видели остальные. Его интересовала Инга.

Глава 5

У Кире было два чемодана, и оба стояли в её квартире.

Большой, цвета слоновой кости, уже стоял в прихожей рядом с входной дверью. Второй Кира оставила раскрытым посреди своей спальни и теперь складывала туда вещи в порядке, известном только ей одной. На кровати лежали купальники, тонкое светлое платье, сандалии, две книги, которые она почти наверняка не откроет, и кожаная косметичка, давно переставшая застёгиваться.

Она несколько раз надавила на неё ладонью, потянула молнию и всякий раз получала один и тот же результат: стоило отпустить, как косметичка медленно раскрывалась обратно.

Тимур наблюдал за этой борьбой из дверного проёма её спальни, допивая кофе.

Он уже предложил купить всё необходимое на месте, но Кира объяснила, что прилететь на отдых без собственных вещей — совсем не то же самое, что оказаться рядом с магазинами. По её мнению, жизнь должна была соответствовать ожиданиям сразу, а не после похода по торговому центру.

Тимур не стал спорить.

Кира летела на острова вместе с Лизой. Изначально они собирались вдвоём, но после расследования в ресторанной сети и нескольких новых вопросов по банку Тимур понял, что не сможет освободить даже неделю. Он сообщил об этом без длинных объяснений, предложил перенести поездку или отправиться без него. Кира немного расстроилась, потом созвонилась с подружкой и уже через час обсуждала с его помощницей перелёт, трансфер и меню виллы.

Она умела перестраивать жизнь, если новая версия оставалась достаточно комфортной.

Кира никогда не работала. Не потому, что не могла или была недостаточно умна. В работе просто не существовало необходимости. Её отец владел строительной компанией, мать появлялась в сводках благотворительных вечеров чаще, чем дома, старший брат жил между Москвой и Лондоном. Кира выросла в мире, где деньги приходили не после восьми часов в офисе, а существовали как электричество или вода: незаметная система, поддерживающая привычный порядок вещей.

Дни она заполняла спортом, выставками, поездками, встречами, примерками и мероприятиями, которые называла делами без тени иронии. Умела разговаривать почти с любым человеком, безошибочно различала настоящую уверенность и показную, прекрасно ориентировалась в чужих связях. На светском ужине она могла за несколько минут понять, кто с кем поссорился, кто ищет инвестора и кого не следовало сажать рядом.

Тимуру это в ней нравилось.

Ему нравилось и то, что Кира не изображала смущение перед его деньгами. Никогда не спрашивала, сколько стоили билеты, вилла или серьги, которые он дарил. Не настаивала, что могла бы заплатить сама, хотя, вероятно, действительно могла. Она принимала его щедрость как естественную часть отношений, а он не видел причин делать из неё испытание.

Семь месяцев рядом с ней прошли легко.

Ни одной серьёзной ссоры. Ни одной сцены из-за пропущенного звонка или отменённого ужина. Кира могла рассердиться, но быстро остывала. Не требовала признаний, не пыталась выяснить, почему Тимур никогда не предлагал ей остаться в его доме дольше нескольких дней.

При этом в его доме у неё не было ничего своего.

Ни ключа. Ни полки в ванной. Ни платья в гардеробной. Если Кира оставалась на ночь, утром водитель привозил всё необходимое. Зубную щётку после её отъезда выбрасывали. Даже зарядку она всегда складывала обратно в сумку.

Тимур никогда не формулировал это как правило.

Женщины понимали сами.

Кира наконец справилась с косметичкой, застегнула чемодан и подошла к нему. От неё пахло цветочным кремом и знакомыми духами — лёгкими, дорогими, почти не остающимися в воздухе.

Она ещё раз спросила, не передумает ли он и не прилетит ли хотя бы на выходные. Тимур ответил, что не сможет. Кира вздохнула, но не стала настаивать. Только напонила, что он давно перестал работать в банке полный день и теоретически способен управлять собственным расписанием.

— Банк — не единственное, чем я занимаюсь.

— Я знаю, — спокойно отозвалась она. — У тебя есть рестораны, инвестиции, фирмы, охрана и ещё множество вещей, о которых ты предпочитаешь ничего не рассказывать.

В её словах не было претензии. Кира просто обозначала известный ей факт.

Она подошла ближе, забрала у Тимура чашку, сделала глоток и привычно поморщилась: он пил кофе крепким и без молока. Потом положила ладони ему на грудь.

— Скучать будешь?

Тимур ответил, что, возможно, будет.

Кира рассмеялась и назвала это поразительным проявлением эмоциональной щедрости. Она не ожидала от него другого ответа — именно поэтому и спросила.

Тимур обнял её за талию. Кира чуть приподнялась на носки перед поцелуем, хотя разница в росте почти не требовала этого движения. Всё было знакомым: прикосновение ладоней, её запах, тонкое кольцо, задевшее пуговицу его рубашки.

Привычным.

Он знал, как Кира будет двигаться через секунду. Знал, что она первой отступит, проверит телефон и снова посмотрит на чемоданы, пытаясь вспомнить, не забыла ли что-нибудь.

Так и произошло.

В прихожей раздался звонок. Охранник сообщил, что машина подана.

Кира надела пальто и тёмные очки, хотя утро было пасмурным. Перед выходом попросила его хотя бы один раз за две недели провести целый день без работы. Тимур согласился. Она сразу сказала, что он врёт.

— Да, — признал он.

Кира покачала головой, улыбнулась и вышла.

Через несколько минут машина увезла её в аэропорт.

Вернувшись домой, Тимур сразу почувствовал прежнюю тишину.

На кровати не осталось её одежды. В ванной — открытых банок. Даже чашку, которую Кира утром оставила на тумбе, уже унесла домработница.

Тимур задержался в спальне дольше, чем требовалось. Посмотрел на закрытую дверь гардеробной, на гладкое покрывало, на пустую тумбу у той стороны кровати, где ночью спала Кира.

Её отъезд ничего не изменил.

Через две недели она вернётся загорелой, покажет фотографии, расскажет, в каких ресторанах им не понравилась еда, и привезёт какую-нибудь ненужную вещь из аэропорта. Они поужинают. Кира, вероятно, останется на ночь. Утром снова соберёт всё, что привезла с собой.

Отношения продолжатся с того же места. В этой предсказуемости не было ничего плохого; Тимур привык считать её преимуществом.

Ингу он увидел около трёх часов дня.

Машина медленно двигалась вдоль старых домов из-за ремонта дороги. Тимур сидел на заднем сиденье и просматривал договор по одному из инвестиционных проектов, когда за стеклом мелькнула знакомая сумка для фотоаппарата.

Он поднял голову.

Инга ждала зелёного света возле пешеходного перехода. На ней были джинсы, короткая тёмная куртка и большие наушники. Волосы ветер то перебрасывал ей на лицо, то отбрасывал назад, но она почти не замечала.

Светофор переключился.

Люди двинулись через дорогу плотной группой. Инга пошла вместе со всеми, но почти сразу выбилась из общего ритма. Не потому, что спешила или, наоборот, мешала другим. Она просто смотрела не туда, куда смотрели остальные.

Её внимание привлекали окна старого здания. В них отражалось низкое серое небо, изломанное рамами на отдельные прямоугольники.

Тимур заметил движение её правой руки.

Сначала решил, что она поправляет ремень сумки. Потом движение повторилось. Большой палец коснулся указательного, кисть чуть повернулась, пальцы снова разошлись. Через несколько шагов едва заметно качнулось плечо.

Это был ритм.

Музыку слышала только Инга, но Тимур видел, как она проходит через её тело. Не танец — слишком мало движения. Не привычная жестикуляция. Что-то между. Будто она не просто слушала композицию, а отсчитывала пальцами отдельные звуки, существующие глубже основной мелодии.

— Остановись, — сказал Тимур водителю.

Тот посмотрел в зеркало, уточняя, действительно ли Тимур имеет в виду это место. Получив подтверждение, перестроился и остановил машину за перекрёстком. Автомобиль охраны сделал то же самое чуть дальше.

Тимур отложил планшет.

Выходить он не собирался.

Не собирался и окликать Ингу. Просто наблюдал, пока она шла вдоль здания, иногда чуть ускоряя шаг в такт тому, что звучало в наушниках.

Возле старой афишной тумбы она остановилась.

На ней слоями лежали сорванные плакаты: чужие лица, названия спектаклей, выцветшие даты. Нижние листы размокли от дождя и почти слились с грязным асфальтом.

Инга долго смотрела.

Отступила на несколько шагов, снова приблизилась, присела. Достала фотоаппарат из старой сумки и изменила угол так, чтобы в кадр попали не только афиши, но и отражение в луже.

Тимур проследил за направлением объектива.

Первый снимок её не устроил. Она посмотрела на экран, встала, перешла на другую сторону. Подождала, пока мимо пройдёт мужчина с прозрачным зонтом, и сняла снова.

Само место казалось случайным и некрасивым. Мокрая бумага. Грязная вода. Чужие ботинки, проходящие по краю лужи.

Но Инга смотрела так, словно изображение уже существовало. Ей оставалось только найти точку, из которой оно станет видимым.

Убрав камеру, она не сразу пошла дальше. Пальцы снова начали двигаться. Теперь быстрее, резче. Вероятно, сменилась песня.

Тимур не слышал ни одного звука, но был почти уверен в этом.

Через несколько метров возле продуктового магазина у пожилой женщины порвался бумажный пакет. По тротуару рассыпались яблоки. Прохожие обходили их, стараясь не наступить.

Инга сдвинула один наушник с уха, присела и начала собирать.

Женщина что-то объясняла, показывая на разошедшееся дно пакета. Инга нашла в сумке тканевый мешок и переложила туда яблоки. Затем вернула наушник на ухо, улыбнулась на прощание и продолжила путь.

Она ни разу не посмотрела на часы.

Тимур посмотрел вместо неё.

Если Инга куда-то направлялась, она уже наверняка опаздывала.

Возле книжного магазина она снова остановилась. Не вошла, только несколько минут рассматривала книги в витрине. Провела пальцами по стеклу, повторяя услышанный ритм, и внезапно улыбнулась.

Не человеку.

Никого знакомого рядом не было. Никто не пытался привлечь её внимание.

Она улыбалась тому, что существовало внутри её наушников.

В ресторане Тимур видел, как быстро Инга подстраивалась к людям. Шутливому гостю отвечала шуткой, одинокому не мешала молчанием, растерянному объясняла так, чтобы тот не почувствовал себя глупым. Денису, официантам и поварам требовалось совсем немного времени, чтобы считать её своей.

Сейчас Инга была одна и не знала, что за ней наблюдают.

Эта улыбка никому ничего не давала и ничего не скрывала. Она принадлежала только ей.

— Едем, — сказал Тимур.

Машина тронулась.

Он снова открыл договор, но несколько минут не мог сосредоточиться на тексте. Перед глазами оставались движения Ингиных пальцев, едва заметные повороты кисти, два быстрых шага под ускорившийся ритм.

Ему неожиданно захотелось не просто узнать название, а услышать ту же музыку именно так, как слышала её Инга.

В ресторан Тимур приехал после десяти вечера.

Причиной был отчёт нового управляющего по инвентаризации и системе доступа. Документы могли прислать в офис, а разговор — провести утром, но Тимур предпочёл лично посмотреть, как работает заведение после смены руководства.

За час они проверили изменения. Персональные карты сотрудников больше не передавались из рук в руки, менеджерские подтверждения фиксировались отдельным уведомлением, слепую зону возле служебного коридора перекрыли второй камерой. Финансовые операции всех семи ресторанов теперь сводились в ежедневный общий отчёт.

Тимур задал несколько вопросов, отпустил управляющего и остался в кабинете.

Уходить не торопился.

Дверь кабинета оставалась приоткрытой, и Тимур видел часть зала и барную стойку. В ресторане оставались два столика. Пожилая пара возле окна доедала десерт, трое мужчин спорили над пустыми чашками.

Инга работала вместе с Денисом.

Волосы сегодня были собраны выше обычного, но несколько прядей выбились возле висков. Рукава белой рубашки она закатала до локтей, несмотря на требования формы. Двигалась быстро, почти не глядя брала нужные бутылки, успевала отвечать официантам и одновременно слушать Дениса.

Он находил поводы наклоняться ближе, чем требовалось. Что-то говорил, Инга смеялась и толкала его локтем. Денис не скрывал своего интереса, но и не давил. Его флирт давно стал частью их общения — лёгкой, привычной, безопасной.

Тимур опустил взгляд к документам.

Через некоторое время снова посмотрел в зал.

Денис попытался снять нитку с плеча Инги. Она уклонилась и убрала её сама, продолжая смеяться.

Это ничего не значило.

Тимур всё равно отметил движение.

К полуночи гости ушли. Верхний свет сделали ярче, музыка изменилась. Официанты собирали приборы, уборщица прошла между столами, повара один за другим появлялись из кухни уже без фартуков.

Инга работала быстро и собранно. Пересчитала бутылки, вытерла стойку, внесла данные в журнал. Когда последняя обязанность была выполнена, исчезла в помещении для персонала.

Через несколько минут она вернулась уже в джинсах и тёмном свитере. Волосы распущены. Через плечо перекинула сумку с фотоаппаратом и почти сразу надела наушники.

Изменение произошло мгновенно.

Ещё секунду назад Инга была частью ресторана: отвечала Денису, проверяла журнал, придерживала дверь для уборщицы. Но стоило наушникам закрыть уши, как между нею и остальными возникло невидимое расстояние.

Денис что-то крикнул ей вслед.

Она уже не слышала.

Он махнул рукой, явно привыкший к этому, и вернулся к бокалам.

Инга направилась к выходу.

Тимур ждал в зале возле служебного коридора. Когда Инга прошла мимо, он назвал её имя — сначала обычным голосом, затем громче.

Никакой реакции.

Она уже взялась за ручку двери.

Можно было коснуться её плеча. Можно было обойти и оказаться перед ней.

Тимур выбрал самый прямой способ.

Догнал и снял наушники, взявшись за дужку.

Музыка продолжала играть. Из динамиков вырвался глухой, чужой ритм.

Инга резко развернулась.

Первой реакцией был испуг. Он промелькнул и почти сразу исчез, уступив настоящей злости. Инга выхватила наушники из его руки и прижала к груди.

В ресторане стало непривычно тихо.

Сотрудники не прекратили работу открыто, но движения замедлились. Денис поднял голову от стойки.

— Что вы делаете?

Голос Инги был негромким. Именно поэтому Тимур сразу понял, насколько сильно она рассердилась.

Он объяснил, что звал её, но она не слышала.

— Тогда нужно было оставить меня в покое.

Тимур собирался ответить, что ему требовалось поговорить, но уже видел: для Инги этого было недостаточно. Она держала наушники обеими руками, словно он забрал не вещь, а что-то гораздо более личное.

— Это было лишнее, — признал он.

— Не лишнее. Нельзя так делать.

Инга говорила сдержанно, но дыхание ещё не выровнялось. Несколько прядей упали ей на лицо, и она не пыталась их убрать.

Она потребовала, чтобы Тимур больше никогда не снимал с неё наушники и вообще не прикасался к ним без разрешения.

Он согласился сразу.

Вероятно, Инга ожидала возражения. Его спокойное «хорошо» на секунду остановило её, но не успокоило.

— Вы не понимаете.

— Тогда объясните.

— Я не обязана объяснять, почему нельзя забирать у меня мои вещи.

Она была права.

Тимур посмотрел на сотрудников, которые делали вид, что ничего не слышат. Инга тоже заметила их внимание и предложила выйти.

На улице недавно закончился дождь. Асфальт блестел под фонарями, отражая вывески и свет фар. Возле входа ждали машина Тимура и автомобиль охраны.

Инга отошла к краю тротуара.

Несколько секунд она молчала, подбирая слова. Злость постепенно уходила из голоса, но не из лица.

На работе, объяснила она, всё её время действительно принадлежит другим. Она слушает гостей, управляющего, Дениса, поваров. Ей говорят, когда прийти, что надеть, где находиться. Это нормально — ей за это платят.

Но после окончания смены всё меняется.

Дорога, музыка, возможность молчать и никому не отвечать принадлежат только ей.

— Наушники не означают, что со мной нужно говорить громче. Они означают, что я сейчас не с вами.

Тимур слушал, не перебивая.

Для него наушники всегда были устройством: принять звонок, прослушать запись, заглушить шум самолёта. Он никогда не видел в них обозначения границы.

Инга эту границу создавала каждый вечер.

Он увидел её и всё равно пересёк, потому что привык считать собственную необходимость достаточным основанием.

— Я понял, — сказал Тимур.

Инга чуть качнула головой.

— Вы поняли правило. Не уверена, что поняли остальное.

Он мог бы возразить, но не стал.

Возможно, она была права.

Некоторое время они стояли молча. Инга больше не прижимала наушники к груди, но всё ещё держала их осторожно, проводя пальцем по потёртой накладке.

Тимур вспомнил, как днём её руки двигались в такт музыке.

— Я видел вас сегодня.

Инга сразу насторожилась.

Он рассказал о перекрёстке, книжном магазине и старой афишной тумбе. О том, что заметил её из машины и попросил водителя остановиться.

— Вы следили за мной?

В её голосе не было страха, но недоверие вернулось.

Тимур объяснил, что не следил. Просто некоторое время наблюдал, пытаясь понять, что именно она фотографирует.

Инга спросила, зачем.

Он привык отвечать точно. Почти каждое его действие имело причину, которую можно было сформулировать: риск, необходимость, возможное последствие.

Сейчас точного ответа не существовало.

— Я не знаю.

Инга смотрела на него так, будто слышала что-то почти невозможное.

— Вы остановили машину и несколько минут сидели внутри, хотя сами не знаете зачем?

— Да.

— Это довольно странно.

— Пожалуй.

Она ненадолго отвела взгляд. Проезжавшая машина осветила её лицо, и волосы на секунду стали почти серебряными.

Тимур рассказал, что заметил движения её пальцев. Спросил, делает ли она это сознательно.

Инга посмотрела на свои руки, словно не была уверена, что они действительно выдают её.

— Иногда замечаю. Чаще нет.

— Вы двигались в такт музыке.

— Наверное.

Она отвечала всё короче.

Тимур понял, что случайно приблизился к чему-то, что Инга предпочитала не показывать. Не просто к привычке. К той версии себя, которая существовала только наедине.

— Вы странная, — сказал он.

В словах не было ни насмешки, ни осуждения.

Он произнёс их почти задумчиво, как говорил о факте, который только что окончательно установил. Инга заметила это сразу.

Именно поэтому не могла обидеться открыто.

Она чуть улыбнулась, будто услышала давно знакомую формулировку.

— Да. Наверное.

Снаружи ничего не изменилось. Она не отвернулась, не нахмурилась, не потребовала объяснить, что он имеет в виду.

Внутри стало холодно.

Странная.

Это слово и раньше появлялось рядом с ней, но почти никогда — в открытой насмешке. Люди обычно принимали Ингу слишком легко. Настороженность приходила позже, когда она случайно показывала, сколько успела увидеть.

В школе и училище ей хватало нескольких минут, чтобы понять, с кем можно шутить, кого нельзя торопить, кому нужен вопрос, а рядом с кем лучше просто помолчать. Она не играла роли нарочно. Просто настраивалась на человека так точно, что рядом с ней почти каждый чувствовал: она своя.

Её звали, ей доверяли, рядом с ней хотели сидеть. Инга могла сегодня быть в одной компании, завтра — в другой и нигде не чувствовать себя лишней. По-настоящему близких всё равно оставалось трое или четверо — те, кто не требовал ежедневного присутствия и после долгого молчания продолжал разговор с прежнего места. Остальные связи исчезали почти сами, стоило Инге перестать приходить.

В этом и было её одиночество. Не в том, что её отвергали, а в том, что она научилась создавать близость, не раскрывая себя. Инга легко понимала других и почти не верила, что другой человек способен так же понять её.

Иногда она напоминала фразу, сказанную несколько лет назад, и видела короткую паузу: «Ты это до сих пор помнишь?» Иногда слишком точно называла причину чужого поступка — и человек начинал смотреть осторожнее, словно Инга случайно подошла к двери, которую перед ней не собирались открывать. Людям нравилось быть понятыми лишь до определённого предела.

Мать особенно часто останавливала её: «Не придумывай за меня. Тебе показалось. Не надо всё усложнять». Инга научилась делать вид, что не знает. Не напоминать чужие слова, не произносить вслух, что сразу заметила ложь, не объяснять, почему уверена, если у неё нет

доказательств. Её внимательность давала людям тепло, пока они не понимали, насколько много она запомнила.

Рядом с Тимуром она особенно старалась быть обычной. Его внимательность получила образование, должность и право задавать вопросы; её собственная — привычку молчать. Инга хотела, чтобы он заметил её, но не ту часть, которую всю жизнь прятала. И ему понадобилось всего несколько дней.

Тимур уловил перемену не в её лице, а в неподвижности. Инга перестала поглаживать наушники. Пальцы замерли.

— Я не хотел вас задеть, — сказал он.

— Я поняла.

Она действительно понимала. Он не хотел сделать ей больно.

От этого было не легче.

— Что вы имели в виду?

Тимур задумался.

Ему не хотелось подбирать более удобное слово только потому, что первое оказалось резким.

— Большинство людей стараются быть замеченными. Вы, наоборот, пытаетесь не привлекать внимания, но постоянно делаете что-то, из-за чего вас невозможно не заметить. Остатки посреди дороги ради отражения. Помогаете незнакомым людям и опаздываете. Помните чужие разговоры, но почти ничего не рассказываете о себе. Уходите в музыку так, будто остального мира больше нет.

Он говорил спокойно.

— Это странно. Но не плохо.

Инга посмотрела на него.

Последние слова она услышала, но пока не могла принять. Люди часто добавляли что-нибудь мягкое после неприятной правды. Не страшно. Ничего такого. Даже мило.

Она не знала, относится ли Тимур к таким людям.

Вероятно, нет.

Он редко смягчал формулировки из вежливости.

— Вы всегда так внимательно рассматриваете людей? — спросила Инга.

— Не всех.

Прямой ответ застал Ингу врасплох.

Тимур тоже понял это, но не стал исправлять.

Инга отвела взгляд к мокрой улице.

— Что вы слушали? — спросил он через некоторое время.

— Когда?

— Днём.

Она назвала исполнителя и песню.

Тимур не знал ни того ни другого. Инга заметила по лицу и почти улыбнулась.

— Не слышали?

— Нет.

— Я почему-то не удивлена.

Она предположила, что Тимур включает музыку только для работы, в самолёте или чтобы не слышать чужие разговоры.

Почти угадала.

Тимуру стало любопытно, как она это поняла. Инга ответила, что он не похож на человека, который добровольно позволяет чему-то управлять собственными чувствами.

Снова та точность, которую Инга обычно старалась сразу спрятать.

— Дайте послушать.

Инга посмотрела на него с недоверием.

После случившегося просьба прозвучала почти дерзко. Но теперь Тимур не протягивал руку и не делал движения к наушникам.

Он ждал.

Инга открыла песню в телефоне, несколько секунд колебалась, затем сама протянула ему наушники.

— Не надевайте. Они настроены под меня.

Тимур взял их за дужку. Инга нажала воспроизведение.

Он поднёс один наушник к уху.

Сначала появился низкий, едва различимый гул. Затем ударные — немного запаздывающие, неровные, заставляющие ждать следующего звука. Поверх них вступила тревожная мелодия, потом женский голос.

Музыка оказалась совсем не такой, какой Тимур ожидал.

Не лёгкой. Не спокойной.

Она нарастала изнутри, становилась теснее с каждой секундой. Ритм действительно заставлял двигать пальцами, потому что сохранять полную неподвижность под него было почти невозможно.

Тимур слушал дольше, чем собирался.

Инге пришлось сделать шаг ближе, чтобы провод не натягивался. Теперь она стояла рядом, следя не за его лицом, а за рукой, в которой находились её наушники.

Когда перед следующим куплетом музыка резко оборвалась, Тимур вернул их.

— Я ожидал чего-то спокойнее.

— Потому что я тихая?

— Потому что вы улыбались.

Инга пожала плечами.

— Люди могут улыбаться под разную музыку.

Тимур посмотрел на её пальцы.

— Вы двигались не под основную мелодию. Под ударные, которые звучат на заднем плане.

Она удивилась.

На этот раз реакцию скрыть не удалось.

— Да.

Одно короткое слово изменило её лицо. Инга ожидала, что он вернёт наушники через несколько секунд, назовёт музыку слишком шумной или услышит только голос.

Но Тимур заметил именно тот ритм, который слышала она.

Это было почти неприятно.

И одновременно — слишком приятно.

— Вы всё-таки умеете слушать, — сказала Инга.

— Обычно.

— Только людей предпочитаете проверять.

— Люди чаще музыки намеренно вводят в заблуждение.

Инга усмехнулась и надела наушники на шею, пока не включая.

— Музыка тоже. Просто делает это красивее.

Тимур запомнил фразу.

Она посмотрела на время и тихо выругалась.

Туман над рекой мог исчезнуть раньше, чем она доберётся. Тимур предложил отвезти её, но Инга отказалась сразу.

Не из гордости.

Она просто хотела поехать одна. Пройти вдоль воды, слушать музыку, останавливаться столько раз, сколько понадобится. Его машина, водитель и охрана превратили бы эту прогулку во что-то другое.

Тимур впервые столкнулся с человеком, который отказывался от удобства не для демонстрации независимости, а потому, что удобство мешало желаемому.

Он принял отказ.

Инга подняла наушники к ушам, но остановилась.

— Вы правда не знали, зачем позвали меня?

— Правда.

— И сейчас не знаете?

Теперь ответ был очевиден.

— Сейчас знаю.

Она ждала.

— Хотел вас увидеть.

Инга замерла.

Тимур произнёс это без намерения сделать признание. Просто назвал причину, которую наконец удалось установить.

Только после понял, как прозвучали слова.

Инга не улыбнулась и не попыталась превратить их в шутку.

— У вас есть девушка.

— Есть.

— И она улетела сегодня.

— Да.

— Это ничего не меняет.

— Я не говорил, что меняет.

В её лице появилось раздражённое бессилие. Тимур отвечал буквально и не давал ей возможности приписать ему ни невинный смысл, ни прямое намерение.

— Тогда зачем вы сказали, что хотели меня увидеть?

— Потому что вы спросили.

Инга закрыла глаза на секунду.

Тимур был странным человеком.

Возможно, не меньше неё. Только его странности были дорогими, влиятельными и хорошо организованными, поэтому никто не называл их этим словом.

— Я пойду.

Он не остановил.

Инга надела наушники, включила музыку и направилась вдоль улицы. Через несколько шагов пальцы снова начали двигаться возле бедра.

Теперь Тимур узнавал ритм.

Песня уже не звучала, но ударные остались в памяти достаточно точно.

Инга не обернулась.

Водитель держал дверь машины открытой. Охрана ждала чуть дальше. Тимур мог доехать до дома за двадцать минут, открыть отчёты и проверить сообщения.

Вместо этого ещё некоторое время смотрел, как она удаляется по мокрому тротуару.

Тимур нарушил её границу, получил объяснение и принял правило.

Назвал её странной и увидел, как на секунду что-то закрылось у неё внутри, хотя она не сказала ни одного обиженного слова.

Тимур не любил причинять вред без необходимости.

Но ещё меньше любил ситуации, в которых не понимал, что именно сделал.

Он сел в машину только после того, как Инга исчезла за поворотом.

— Домой? — спросил водитель.

— Да.

Машина тронулась.

Тимур открыл телефон, нашёл названную Ингой композицию и добавил её в пустой список воспроизведения.

Включать не стал.

Ему почему-то казалось, что слушать её сейчас, без Инги, будет почти таким же вторжением, как снять наушники с её головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.